

„ИЗЪ ДНЕВНИКА“

АРТИСТА
РУССКОЙ
ОПЕРЫ

Давида

Южина.

РАЗСКАЗЫ,
СЦЕНЫ И
КУРЬЕЗЫ ИЗЪ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Томъ 1-й.

Посвящаю
женѣ моей

артисткѣ Императорскихъ театровъ

Наталиі Степановнѣ

Южиной.

Давид Юсупов.

ОТЪ АВТОРА.

Выпуская въ свѣтъ настоящій сборникъ, я не имѣлъ никакихъ претензій сдать вкладъ въ серьезную литературу. Мои рассказы просты и безыскусственны. Я писалъ ихъ такъ, какъ мнѣ подсказывало мое чувство.

Если читатель при чтеніи моихъ рассказовъ хоть разъ искренно улыбнется и не пожалѣетъ о потраченномъ времени, я буду очень доволенъ и счастливъ.

Д. Южинъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
1. Фаустъ	9
2. Maestro Кастраццо (оперный пѣвецъ) .	23
3. На волосокъ отъ смерти (траги-коми- ческій случай).	31
4. Въ дорогѣ (набросокъ)	39
5. Симонъ Сигирданскій (оперный пѣ- вецъ).	45
6. Андрей Шубанскій (оперный типъ) .	53
7. Рецензентъ.	59
8. Θεоктистъ Левицкій (курьезы изъ его сценической дѣятельности)	65
9. Карьеристы.	73
10. Гастролеръ.	79
11. Оригинальное турнэ (трехъ басовъ и одной флейты)	87
12. Maestro Кастраццо (учитель пѣнія) . .	
13. Встрѣча Нового года (восточн. шаржъ). .	105
14. Баритонъ Наковальскій (оперн. типъ). .	117
15. Холерный вибрионъ (сценка въ 1-мъ дѣй- ствіи)	127

ФАУСТЪ.

Лѣтъ десять тому назадъ мнѣ пришлось служить лѣтній сезонъ въ г. Уфѣ.

Сезонъ былъ изъ рукъ вонъ неудачный. Заработокъ былъ настолько ничтожный, что мы, артисты, не въ состояніи были по окончаніи сезона добраться до Москвы.

По шпаламъ итти не хотѣлось.

И вотъ, чтобы подработать себѣ на дорогу денегъ, мы составили компанію въ нѣсколько человѣкъ и рѣшили дать два оперныхъ спектакля въ г. Б... (есть, читатель, на Руси и такой городъ!).

Компанія наша состояла: изъ тенора, баса, баритона, сопрано, меццо-сопрано и двухъ компримаріо.

До сего времени не могу безъ смѣха вспомнить этого „опернаго предпріятія!..

Захолустный городишко Б... находится въ Уфимской губерніи и представлялъ изъ себя

Д. Ю Ж И Н Ъ.

въ то время нечто иное, какъ большую грязную деревню.

При всемъ своемъ стараніи мы долго не могли отыскать себѣ помѣщенія для своего „театра“ и въ концѣ-концовъ вынуждены были остановиться на дешевой столовой, гдѣ и начали устраивать „обстановку“.

Распорядитель нашъ оказался человѣкомъ въ высшей степени энергичнымъ и работоспособнымъ.

Обрыскавъ весь городъ, онъ досталъ гдѣ-то доски и плотниковъ и наскоро соорудилъ подмости на „курьихъ ножкахъ“.

Обѣгалъ всѣхъ любителей драматическаго искусства (даже и въ Б. таковые оказались! Впрочемъ, гдѣ же ихъ нѣтъ?), и въ результатъ у насъ получилось: декорации, состоящія изъ двухъ комнатъ, склеенныхъ изъ обойной бумаги краснаго и зеленаго цвѣтовъ, и два лысыхъ парика изъ собачьей шерсти.

Вотъ и вся обстановка, съ каковой мы должны были предстать предъ Б—й публикой.

Все это, какъ оказалось потомъ, были только „цвѣточки“ а „ягодки“—вперед!

Послѣ устройства „театра“ намъ необходимо было, конечно, найти квартиру.

Ф А У С Т Ъ.

Вотъ-тутъ то и начались наши злословія.

Квартиръ свободныхъ въ городѣ было очень много, но... узнавъ, что мы артисты, насъ нигдѣ не пускали и отказывали намъ подъ разными благовидными предлогами...

— Квартира занята!

— Квартира сейчасъ свободна, но завтра въ нее переѣзжаютъ жильцы!—и т. д.

Проходивъ по городу нѣсколько часовъ въ безрезультатныхъ поискахъ квартиры, мы начали приходить въ отчаяніе.

— Не ночевать же въ самомъ дѣлѣ подъ открытымъ небомъ!

Но тутъ кого-то осянула геніальная мысль.

Господа, обратимся за „содѣйствіемъ“ къ начальству!

Рѣшеніе это всѣми было немедленно одобрено, такъ какъ больше ничего не оставалось дѣлать.

Главное начальство въ уѣздномъ городѣ, конечно, исправникъ.

Это извѣстно всякому, даже не оперному пѣвцу.

Исправникъ въ уѣздѣ—царь и Богъ.

И вотъ къ этому-то вершителю судебъ человѣческихъ мы немедленно и отправились.

О насъ доложили, насъ приняли.

Исправникъ оказался такимъ, какъ и полагается быть особѣ его ранга.

Толстый, усатый, борода лопатой, съ сизымъ носомъ, приземистый, со взглядомъ, желающимъ провертѣть „дыру“ во всей вселенной, и осанкой „олимпійца“.

При нашемъ входѣ исправникъ окинулъ насъ орлинымъ взоромъ, звякнулъ шпорами, закрутилъ усы, три раза высморкался и, закуривъ папиросу, началъ пускать дымъ кольцами.

— Что вы, господа, за люди и что вамъ отъ меня нужно?—спросилъ важно исправникъ.

— Мы оперные артисты,—смиренно и покорно отвѣтили мы. Желаемъ дать въ вашемъ городѣ спектакль. Помѣщеніе-для спектакля мы нашли, но вотъ квартиры нигдѣ найти не можемъ, потому что вездѣ, къ кому бы мы ни обратились, намъ отказываютъ, узнавъ, что мы артисты. Просимъ васъ очень оказать намъ въ этомъ свое содѣйствіе и принять насъ подъ свое покровительство.

Слово „покровительство“, очевидно, исправнику понравилось.

Взглядъ его изъ суроваго сдѣлался мягкимъ, поза его приняла болѣе естественный

видъ. Онъ вынулъ папиросу изо рта и обратился къ намъ приблизительно съ такой рѣчью:

— Господа артисты! Я охотно принимаю васъ подъ свое покровительство! Сейчасъ же прикажу пристапу отыскать вамъ квартиру, но... предупреждаю васъ, господа! Ведите себя честно и благородно! А то вотъ недавно передъ вашимъ прїѣздомъ была здѣсь какая-то бродячая труппа, которой я тоже оказалъ покровительство. И что бы вы думали? Эти мерзавцы не только не заплатили за квартиру, но даже ухитрились, во время отсутствія хозяевъ, стащить съ собою хозяйскія вещи: подушки, одѣяло, самоваръ и другую рухлядь. Предупреждаю васъ, господа, чтобы ничего подобнаго не было!...

Мы выразили порицаніе своимъ собратьямъ по искусству и дали честное слово, что ничего подобнаго не сдѣлаемъ.

— Смотрите, господа! Еще разъ предупреждаю! сказалъ исправникъ и сдѣлалъ строгую фізіономію.

Тутъ же немедленно онъ распорядился позвать пристава. Черезъ нѣсколько минутъ явился приставъ.

— Вотъ, Николай Ивановичъ, потрудитесь немедленно отыскать для этихъ господъ

квартиру, — исправникъ ткнулъ по направле-
нію къ намъ пальцемъ. Скажите, что за
все будетъ заплачено и чтобы „не опасе-
лись“.

— Слушаю-съ!

Исправникъ сдѣлалъ намъ жестъ рукой,
смысль котораго былъ тотъ, что онъ долѣе
не желаетъ задерживать насъ своимъ при-
сутствіемъ.

Мы раскланялись, поблагодарили и по-
корно вышли за приставомъ.

То, чего мы такъ долго и тщетно искали,
было такъ возможно, такъ близко: какъ
разъ рядомъ съ участкомъ.

Приставъ вызвалъ хозяина дома и съ
суровымъ видомъ сказалъ ему:

— Василий! Г. исправникъ просилъ по-
мѣстить вотъ этихъ г. г. артистовъ къ тебѣ
на квартиру. Помѣсти ихъ, накорми, напой
и устрой хорошенько. За все тебѣ будетъ
заплачено.

— Слушаю-съ, Ваше благородіе! Все бу-
детъ исполнено. Пожалуйте, господа арти-
сты!..

Хозяинъ нашей квартиры Василій Вино-
куръ, какъ оказалось, служилъ когда-то
оффиціантомъ въ Народномъ домѣ и изрѣдка
даже выступалъ въ маленькихъ роляхъ въ

спектакляхъ, даваемыхъ „любителями“, и уже по одному этому понималъ, что значить слово „актеръ“, призналъ насъ за „своего брата“ и сразу почувствовалъ къ намъ нѣкотораго рода симпатію.

Но за то его жена Прасковья, очевидно, не раздѣляла взглядовъ своего мужа на искусство, почему и встрѣтила насъ очень недружелюбно.

— Вотъ не было печали, такъ черти накачали!—ворчала себѣ подъ носъ хозяйка при нашемъ появленіи.—Если будутъ такіе постояльцы, какъ „ахтеры“, скоро придется совсѣмъ закрывать лавочку!

— Молчи ты, свинота необразованная! оборвалъ ее Василій и началъ говорить ей при насъ цѣлую лекцію объ искусствѣ и его представителяхъ.

Говорилъ онъ, конечно, своеобразно, называя артистовъ проповѣдниками истины, обличителями пороковъ. Онъ сравнилъ ихъ въ концѣ-концовъ съ евангельскими „апостолами“.

Прасковья, повидимому, ничего не понимала, но при словахъ „апостолы“ у нея выраженіе лица изъ злого смѣнилось на мягкое, и она сдѣлалась къ намъ снисходительнѣе и любезнѣе.

Рѣчь Василя произвела желательное дѣйствіе.

Прасковья устроила намъ въ квартирѣ все, что для насъ требовалось. Накормила насъ сытнымъ обѣдомъ, напоила чаемъ и приготовила намъ хорошія постели.

Къ 6 часамъ вечера мы всѣ явились въ нашъ импровизированный театръ и стали готовиться къ спектаклю.

Одѣваться, всѣмъ вмѣстѣ мужчинамъ и дамамъ пришлось въ одной и той-же комнатѣ, смежной съ зрительнымъ заломъ, потому что другихъ комнатъ не оказалось.

Я долженъ былъ пѣть Фауста. До сего времени не могу вспомнить безъ смѣха, что за Фаустъ предсталъ предъ жителями города Б—а!

Во всемъ городѣ не оказалось „бороды“, и сдѣлать ее было не изъ чего, по каковому случаю мнѣ пришлось играть Фауста-старика въ одномъ только лысомъ парикѣ, такъ что фигура моя болѣе походила на ксендза, чѣмъ на доктора Фауста, какимъ привыкли изображать его въ оперѣ.

Загримировался и сижу.

Бьетъ 8 часовъ—начало спектакля.

Спектакль не начинаютъ.

Время перевалило за восемь.

— Почему же до сего времени не начинаютъ спектакль,—спрашиваю я?

— А потому,—отвѣчаютъ мнѣ, что въ кассѣ всего на-всего 17 р. 65 к. Ждемъ, не прибавятсяли? Но... этого, кажется, не будетъ

Я былъ въ отчаяніи...

Не прошло и десяти минутъ, какъ ко мнѣ явилась цѣлая депутація во главѣ съ г. исправникомъ.

— Господинъ Южинъ! — началъ торжественно исправникъ. — Мы, представители города, глубоко сожалѣемъ, что вы, прежде, чѣмъ дать спектакль, не посовѣтовались съ нами. Сегодня на хорошій сборъ вы разсчитывать не можете, потому что у нашего аптекаря свадьба и вся публика будетъ тамъ.

— Но какое же отношеніе свадьба аптекаря имѣетъ къ спектаклю?—удивленно спросилъ я его

— А такое-же! У аптекаря на свадьбѣ будетъ играть военный оркестръ, специально выписанный изъ Уфы, будутъ сожжены бенгальскіе огни, а это событіе для нашей публики поважнѣе вашей оперы. Опять таки повторяю. Жаль намъ васъ, но что же дѣлать? Попросимъ васъ дать еще нѣсколько спектаклей послѣ.

Я поблагодарилъ исправника за сочувствіе, но спектакли давать „послѣ“ отказался.

Пробило девять часовъ. Въ кассѣ денегъ ни на грошъ не прибавилось.

— Начинайте спектакль!—скомандовалъ я.

Съ грѣхомъ пополамъ подняли занавѣсъ и то только наполовину, дальше она не двигалась, какъ ни тянули.

Раздались первые фальшивые аккорды разбитой рояли.

Я смутился, но съ грѣхомъ пополамъ пою свой монологъ.

Кончаю словами:

„Проклинаю я жизнь, проклинаю науку! Проклинаю все! Ко мнѣ злой духъ! Ко мнѣ!“

Жду появленія Мефистофеля.

Мефистофеля нѣтъ! За кулисами слышится какое-то мычаніе и собачій лай.

Недоумѣваю и снова повторяю:

„Ко мнѣ злой духъ! Ко мнѣ!“

Снова мычаніе и собачій лай.

Въ третій разъ настойчиво взываю къ злому духу.

Все тотъ же собачій лай.

Въ публикѣ гомерическій хохоть.

Находчивый по своему аккомпаниаоръ, находясь въ зрительномъ залѣ, заоралъ во все горло:

Ф А У С Т Ъ.

— Фаустъ! Чего ты церемонишься съ чортомъ? Иди за кулисы и вытащи его за шиворотъ на сцену, чтобы въ другой разъ не заставлялъ себя такъ долго просить!

Публика неистовствуетъ отъ восторга! Я прибѣгаю къ клоунадѣ.

Пою импровизацію:

„Ко мнѣ злой духъ! А не то разсержусь и самъ пойду за тобою! Прощенья тогда нежди!“

Въ это время режиссеръ даетъ очень сильный бенгальскій огонь. Является Мефистофель. Послѣ его появленія огонь еще сильнѣе и продолжительнѣе.

Въ театрѣ паника.

Публика, думая, что пожаръ, бросилась къ выходу. Исправнику благодаря „репрессивнымъ мѣрамъ“ съ большимъ трудомъ удалось успокоить ее...

Превращаться изъ старика Фауста въ юношу мнѣ пришлось уходить за кулисы. Превращеніе состоялось очень быстро, такъ какъ для Фауста ни парика, ни бороды не оказалось. Пришлось играть въ своемъ собственномъ видѣ: бритымъ, съ подстриженными на головѣ волосами подъ машинку № 0, отчего видомъ своимъ я напоминалъ скорѣе комика захудалой труппы, чѣмъ опернаго героя Фауста.

Но этого курьеза мало.

Заключительные аккорды нашего послѣд-
няго дуэта съ Мефистофелемъ.

„Бѣжимъ! Бѣжимъ!“

Мефистофель хватаетъ меня за руку, бѣ-
жить со мной и...о, ужасъ: вмѣсто двери по-
падаетъ въ стѣну!

Стѣна съ трескомъ прорывается, и мы у
себя въ уборной.

Я начинаю ругаться и чуть не съ кула-
ками набрасываюсь на Мефистофеля, но злой
духъ только ехидно улыбается.

Что дѣлать?

Во время антракта наскоро заклеиваемъ про-
битую брешь бумагой и продолжаемъ спек-
такль.

Второй актъ проходитъ безъ инцидентовъ.

Но за то третій актъ вышелъ всего эф-
фектнѣе!

Когда, во время квартета, всѣ мы (Фа-
устъ, Маргарита, Мефистофель и Марта) со-
шлись на подмосткахъ сцены, сцена не вы-
держала нашей тяжести и.. рухнула вмѣстѣ
съ декораціями.

Мы оказались какъ бы заживо погребен-
ными подъ развалинами.

Публика неистовствовала отъ восторга;

Браво! Браво! Бисъ!—орала она.

Ф А У С Т Ъ.

Какъ выяснилось потомъ, эта дикая публика вполне была увѣрена, что провалъ этотъ слѣдуетъ по ходу пьесы и виновникъ въ этомъ „чортъ“, т. е. Мефистофель.

Какъ это ни смѣшно, но фактъ!

Мы и послѣ этого несчастія не растерялись.

Убрали всю сцену и докончили спектакль просто на просто въ комнатѣ.

Упорно довели дѣло до конца.

За всѣ наши страданія, мученія, лишенія и непріятности намъ очистилось отъ спектакля по 1 р. 35 коп. на брата.

На другой день мы бѣжали изъ Б—а и проклинали его!

MAESTRO КАСТРАЦЦО.

Господа! Позвольте познакомить васъ съ моимъ другомъ Maestro Кастраццо!

Maestro—личность, во всякомъ случаѣ не заурядная и въ нѣкоторомъ родѣ заслуживающая вниманія.

— Большой оригиналь! сказалъ бы про него И. А. Хлестаковъ, если бы видѣлъ Maestro.

Прежде всего Maestro Кастраццо оперный теноръ и непроходимо глупъ.

Къ нему вполне безъ ошибки можетъ быть приложима классическая поговорка:

„Глупъ, какъ теноръ.“

Физиономія у Maestro, что называется „для некурящихъ.“

Сморщенная, какъ печеное яблоко и при всемъ томъ „одинъ глазъ смотреть на васъ, а другой въ Арзамасъ,“ какъ это принято выражаться про людей съ косыми глазами.

Maestro носить пенснэ въ черепаховой оправѣ.

Смотрить въ книгу, а видить „фигу.“

По происхожденію, по фізіономіи, по манерамъ и по выговору чистокровнѣйшій еврей, но выдаетъ себя за итальянца.

Одинъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, острякъ, по поводу происхожденія Кастраццо, въ дружеской компаніи, рассказывалъ слѣдующій анекдотъ.

— Господа! говорилъ онъ, въ присутствіи самого Кастраццо, вы знаете, что нашъ уважаемый Maestro настоящій испанецъ?

Компанія хохотала.

— Нѣтъ? Не знаете? Такъ я вамъ докажу это исторически.

Въ Испаніи, во времена инквизиціи, одинъ еврей былъ приговоренъ за что то къ ауто-да-фе,-его должны были сжечь.

Когда сжигали этого еврея на кострѣ, на роскошномъ балконѣ своей виллы сидѣла очень красивая донна и любовалась на казнь.

Еврея сожгли. Остался одинъ пепель. По дулъ вѣтеръ. Донна въ это время случайно зѣвнула, пепель отъ сожженного еврея попалъ ей въ ротикъ. Донна забеременѣла и.... отъ нея родился Maestro Кастраццо. Поэтому случаю онъ чистокровный —испанецъ. Не правда ли?

Публика умирала отъ хохота.

MAESTRO CASTRAZZO.

Maestro Кастратцо возмущался до глубины души.

— Паршиваго шволоць! Ничего себе остроумнаго нѣту. Хамъ Хамовичъ!

И Maestro съ презрѣніемъ отворачивался.

Maestro рассказывалъ про себя, „что хотѣлъ изъ подъ себе издѣлать большущего карьеру въ Италіи“..

Рассказывалъ, что онъ былъ конкурентъ Мазини и въ „Линдѣ ди Шимуни“ онъ будто бы не имѣлъ себѣ соперниковъ.

Это рассказывалъ самъ Maestro. Но очевидцы, хорошо знавшіе Maestro, рассказывали другое. Говорили, что Maestro обладалъ главнымъ образомъ однимъ чуднымъ свойствомъ: у него во время пѣнія всегда болѣлъ животъ.

Во время репетицій, когда доходила до него очередь пѣть, онъ всегда обращался къ дирижеру:

— Господинъ дирижеръ! Пижволяйте мене выходить! Громаднаго схватке уфъ животъ!

Ему позволяли.

А когда онъ дебютировалъ въ партіи Герцога въ „Риголетто“, очевидцы передаютъ, что съ нимъ случилось то, что бываетъ послѣ громаднаго приѣма oleum гісіні. Этимъ

дебютомъ его артистическая карьера, кажется, и кончилась.

Когда пріятели хотѣли подразнить въ своемъ кружкѣ Кастраццо, спрашивали его:

— А, ну-ка, Кастраццо, расскажи, какъ ты дебютировалъ въ „Риголетто“?

— Ви себе были дураки и есть дураки! Хамы Хамовичи! Шволоцъ несчастная!

Иногда, заранѣе условившись, компанія дѣлалась серьезной и просила Maestro Кастраццо спѣть что-нибудь изъ его репертуара.

Долго просить себя и ждать онъ не заставлялъ.

Начиналъ онъ обыкновенно съ излюбленной „Линды ди Шимуни“ и кончалъ свое пѣніе, къ общему удовольствію публики, куплетами Герцога изъ оп. „Риголетто.“

„Линду“ онъ пѣлъ по-итальянски, а куплеты Герцога по-русски:

Шерце крашавицевъ
Словно измѣнникъ,
И кто ей повѣритъ,
Тотъ сильно обманется.
Съ нѣжными липками
Уфъ страсти клянутся,
Хитро рыдая,
Намъ измѣняя.

И на словахъ „намъ измѣняя,“ какъ онъ самъ выражался съ гордостью, „дѣлалъ себѣ филировку жвука.“

Слушатели помирали отъ хохота, Maestro ругался.

Было весело.

Особенно забавляла насъ почему-то косо-глазая фizioномія Maestro.

Не потому, конечно, что мы хотѣли смѣяться надъ его порокомъ, но потому, вѣроятно, что онъ въ своемъ глупомъ величїи былъ очень смѣшонъ.

На этой почвѣ, лѣтъ пять тому назадъ, я съ моимъ другомъ, опернымъ артистомъ Т., продѣлали довольно курьезную штуку надъ Maestro.

Проѣзжая какъ-то ночью въ Москвѣ, около Красныхъ воротъ, мы услышали раздражающій душу крикъ:

— Спасите, люди добрые! Помогите! Онъ, извергъ, убьетъ меня!

Мы немедленно приказали своему извозчику подъѣхать на крикъ.

Оказалось, кричала женщина, которую пьяный мужикъ, мужъ ея, что называется, билъ смертнымъ боемъ.

Увидя насъ, женщина упала предъ нами на колѣни и молила спасти.

Мы сейчас же приняли зависящія отъ насъ мѣры. Позвали городского и потащили буяна въ участокъ для составленія протокола. При составленіи протокола въ участкѣ мой пріятель назвался именемъ испанца Maestro Кастратцо и указалъ точный адресъ его квартиры. При чемъ при выходѣ изъ участка въ потьмахъ онъ сказалъ побитой женщинѣ.

— Смотри, матушка, запомни: я на одинъ глазъ косою—это очень важно для дѣла.

— Слушаю, родимый!...

Ровно черезъ недѣлю, къ крайнему своему удивленію, въ видѣ реприманда, Maestro Кастратцо получилъ отъ мирового повѣстку явиться въ камеру.

Онъ явился, явился и я.

— Господинъ Кастратцо! Что вы знаете и можете сказать по этому дѣлу?—сухимъ тономъ обратился къ нему мировой судья.

Maestro недоумѣвающе покосился глазами на судью.

— Ви, гашпадинъ мирового судью, шмѣтесь себе надо мною? Зачиво ви мене себѣ вызывали? И што ви изъ подѣ мене хотите? Я себе этово дѣла совсѣмъ не знаю. Это ошибка!

MAESTRO CASTRAZZO.

— Я васъ спрашиваю, свидѣтель, что вы можете сказать по этому дѣлу?—еще болѣе сухо повторилъ свой вопросъ судья.

— А я вамъ говорю, что это ошибкѣ! Никакого такого дѣла я не знаю. Это ошибкѣ!

Пострадавшая женщина, видя, что свидѣтель ея отказывается отъ показаній, что называется, набросилась на него:

— Ахъ ты, старый чортъ! Не помнишь развѣ, самъ тогда сказалъ мнѣ: смотри, старая, я на одинъ глазъ косой, замѣть меня. Я его хорошо замѣтила, ваше благородіе. И какъ тебѣ не стыдно косоглазому? А еще баринъ! Чтобы тебя черти взяли!

— Довольно! Здѣсь нельзя ругаться!—осадилъ ее мировой судья.

Когда кончился разборъ дѣла и разъяснились недоразумѣнія, я вышелъ въ корридоръ, и долго сдерживаемый смѣхъ прорвался наружу.

Я, какъ сумасшедшій, хохоталъ до истерики.

Maestro Кастраццо былъ взбѣшенъ до невозможности. Долго онъ сердился, но виновника злой шутки найти не могъ.

— Как же, Анна, могла ты так
 додуматься? Ну, что она с тобой? Неужели
 неужели ты думаешь, что ты можешь по-
 нять?

— Как же, Анна, могла ты так
 думать?

— И ты же сама говоришь, что ты
 не можешь понять? Ну, что она с тобой? Неужели
 неужели ты думаешь, что ты можешь по-
 нять? —

— Как же, Анна, могла ты так
 думать?

— И ты же сама говоришь, что ты
 не можешь понять? Ну, что она с тобой? Неужели
 неужели ты думаешь, что ты можешь по-
 нять? —

— Как же, Анна, могла ты так
 думать?

— И ты же сама говоришь, что ты
 не можешь понять? Ну, что она с тобой? Неужели
 неужели ты думаешь, что ты можешь по-
 нять? —

— Как же, Анна, могла ты так
 думать?

— И ты же сама говоришь, что ты
 не можешь понять? Ну, что она с тобой? Неужели
 неужели ты думаешь, что ты можешь по-
 нять? —

— Как же, Анна, могла ты так
 думать?

— И ты же сама говоришь, что ты
 не можешь понять? Ну, что она с тобой? Неужели
 неужели ты думаешь, что ты можешь по-
 нять? —

НА ВОЛОСОКЪ ОТЪ СМЕРТИ.

(Траги-комическій случай.)

Моя артистическая жизнь вообще обильна приключеніями. Приключенія бывали всякія. Одни давнымъ давно изгладились изъ памяти, другія забыты наполовину, но были и такія, которыя не забудутся до самой смерти.

Одинъ изъ такихъ случаевъ я и намѣренъ сейчасъ рассказать читателямъ.

Дѣло было въ 1894 году.

По окончаніи своего вокальнаго образованія у извѣстной артистки Леоновой, на сезонъ 94—95 годовъ я былъ приглашенъ безызвѣстнымъ въ свое время баритономъ Унковскимъ въ оперное товарищество въ Казань.

Матеріальныя наши дѣла шли очень порядочно, публика также принимала насъ хорошо.

Но... одно непредвидѣнное обстоятельство нарушило внезапно теченіе нашей мирной жизни и наше благополучіе.

20-го октября, во время спектакля, распространился слухъ, что умеръ Императоръ Александръ III.

Всѣ мы, конечно, непріятно были поражены этимъ событіемъ и съ замираніемъ въ сердцѣ ждали офіціального подтвержденія. Само собою разумѣется, что при такомъ настроеніи спектакль не могъ итти хорошо. Не пѣлось и не игралось.

Предчувствіе насъ не обмануло.

Послѣ 3-го акта на сцену явился полицеймейстеръ и попросилъ прекратить спектакль, такъ какъ умеръ Государь, и сказалъ намъ, что сейчасъ объявить объ этомъ со сцены и публикѣ.

О томъ, какое впечатлѣніе произвела на всѣхъ эта вѣсть, говорить не буду.

Городъ облекся въ трауръ, зазвонили вездѣ колокола, служились панихиды...

Среди нашей актерской братіи сейчасъ же начались разсужденія о шкурномъ вопросѣ, который былъ для насъ ближе всего къ сердцу.

— Насколько вездѣ закрылись театры? На долго ли? Когда ихъ откроютъ?

Слухи были самые разнообразные. Никто ничего опредѣленнаго сказать не могъ.

Одни говорили: черезъ мѣсяцъ, другіе — черезъ два, черезъ шесть и т. д.

НА ВОЛОСОКЪ ОТЪ СМЕРТИ.

Сбереженій и запасовъ, въ надеждѣ на хорошее будущее, у насъ ни у кого не было, и мы очутились по этому случаю, какъ раки на мели.

Видя наше безвыходное положеніе, представитель нашего товарищества Унковскій учелъ совершившійся фактъ по-своему.

Онъ созвалъ всю труппу на чашку „чая“ и обратился къ намъ приблизительно съ такою рѣчью:

— Господа! Продолжать дѣла наши на прежнихъ условіяхъ я больше не могу, потому что это мнѣ невыгодно. Если вы желаете продолжать дѣло и служить у меня въ товариществѣ, мои условія таковы: я, какъ представитель товарищества, желаю получать 500 марокъ, какъ режиссеръ 400 марокъ, какъ пѣвецъ 800 марокъ, за свое имущество беру 1,800 руб.; на вашу долю, слѣдовательно, остается 2,300 марокъ, такъ какъ у насъ по бюджету всего на всего 4,000 марокъ. Если угодно вамъ принять мое предложеніе, завтра же я васъ отправлю въ Саратовъ и прикажу своему помощнику выдать вамъ авансомъ деньги на дорогу въ Рязань; если же несогласны на мои условія, вы свободны.

Положеніе наше было таково: или согла-

шайся на драконовскія условія, или подыхай съ голоду.

Мы, конечно, выбрали первое и начали быстро собираться въ дорогу.

Представитель нашъ, благодаря любезному содѣйствію губернатора, досталъ намъ на проѣздъ нѣсколько даровыхъ билетовъ, такъ-называемыхъ для лицъ, „впавшихъ въ бѣдность“. Остальные билеты для труппы были приобрѣтены по протекціи желѣзнодорожныхъ служащихъ. Тутъ были билеты и на имя кочегаровъ, и сторожей и стрѣлочниковъ, — вообще низшаго персонала.

Такъ, напр., премьеръ нашей труппы со своимъ семействомъ ѣхалъ за старшаго кочегара, примадонна — за жену сторожа и т. д.

При такихъ обстоятельствахъ, читатель можетъ себѣ ясно представить, съ какими удобствами и комфортомъ мы должны были путешествовать по желѣзной дорогѣ?

25 октября мы должны были покинуть гостепріимную Казань.

Въ половинѣ четвертаго вечеромъ мы должны были переправиться черезъ Волгу на лодкахъ на противоположный берегъ, гдѣ и дожидался насъ другой поѣздъ.

Погода, на наше несчастье, была ужасная. Бушевала мятьель, снѣгъ засыпалъ гла-

НА ВОЛОСОКЪ ОТЪ СМЕРТИ.

за и рѣзалъ какъ иголками лицо. На близкомъ разстояніи ничего не было видно.

Переправляться въ такую погоду черезъ Волгу, да еще вдобавокъ, когда шелъ ледъ, было по меньшей мѣрѣ сумасшествіемъ.

Ворочаться обратно въ городъ было не лучше: денегъ у насъ не было, и гостиницы всѣ были для насъ закрыты.

Послѣ короткаго совѣщанія мы рѣшились переправляться: будь, что будетъ! Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать!

Нашлись корыстные и отчаянные лодочники, которые за солидное сравнительно вознагражденіе взяли насъ „предоставить“.

Распростившись другъ съ другомъ, какъ бы передъ смертью, и пожелавъ другъ-другу благополучнаго пути, мы сѣли въ лодки.

Когда наша лодка отчалила отъ берега, всѣхъ насъ охватило жуткое до болѣзненности настроеніе. Мы начали раскаиваться за свой безумный поступокъ. Настроеніе это усиливали крики грудныхъ ребятишекъ, воющихъ въ униссонъ съ мятелью...

На срединѣ рѣки мы съ ужасомъ увидели, что на насъ надвигается громадная льдина.

Въ головахъ у всѣхъ, какъ молнія, блеснула ужасная мысль.

— Мы погибли! Спасенія нѣтъ!

Нужно было быть въ нашемъ положеніи, читатель, чтобы вообразить себѣ весь ужасъ нашего душевнаго состоянія.

Никакое перо не въ состояніи описать этого!

Лодочки наши не растерялись. Они быстро поплыли отъ льдины и обогнали ее. Льдина осталась позади. Мы съ облегченіемъ перевели духъ.

Но... бѣда не миновала.

О, ужасъ! Мы увидали, что на насъ съ другой стороны надвигалась еще болѣе громаднѣхъ размѣровъ льдина, и мы такимъ образомъ очутились между двухъ огней.

Тутъ уже и наши лодочки растерялись, ими овладѣла паника. Стали громко плакать и молить Николая Чудотворца, чтобы онъ спасъ насъ отъ неминуемой гибели.

Въ лодкѣ тоже поднялась паника. Женщины плакали, дѣти кричали. Всѣ въ отчаяніи молились и призывали на помощь имена всѣхъ святыхъ, пришедшихъ случайно въ голову. Я былъ близокъ къ обмороку и теперь не могу безъ ужаса вспомнить своего состоянія. Это можетъ понять только тотъ, кто былъ близокъ къ смерти.

Мы, очевидно, совершенно потерявъ разсудокъ, начали цѣловаться другъ съ другомъ и прощались передъ смертью, выражая желанія, если кто-нибудь изъ насъ какимъ бы то ни было чудомъ останется живъ, пусть передастъ поклонъ нашимъ близкимъ.

Мятель бушевала, мы плакали, а льдина, какъ чудовище, готовая проглотить насъ, грозно надвигалась на насъ.

Мы застыли отъ ужаса!

Но... вдругъ случилось на нашихъ глазахъ изумительное чудо!

Льдина, не доплывъ до насъ двѣ три сажени, раскололась пополамъ, и мы попали въ промежутокъ.

Вообразите наше удивленіе, восторгъ и радость!

Мы почти спасены!

Тотчасъ же раздалась команда стараго лодочника:

— Что же вы, черти, сидите какъ истуканы? Видите, льдины кругомъ насъ. Отталкивайтесь кто чѣмъ можетъ!

Какъ электрическій токъ отозвался на насъ крикъ лодочника, и мы моментально заработали: кто руками, кто палками, кто веслами, даже зонтиками.

Д. Ю Ж И Н Ъ.

Въ ходъ было пущено все.

Черезъ нѣсколько минутъ мы были у берега.

— Спасены!—крикнули мы отъ радости. Начали бросаться другъ-другу на шею, обнимать и цѣловать другъ-друга отъ восторга.

Нѣкоторые изъ насъ отъ сильнаго потрясенія и озноба не могли добраться самостоятельно до поѣзда, и намъ пришлось тащить ихъ на рукахъ.

Когда мы прибыли на вокзалъ и узнали, что всѣ остались живы и невредимы, мы плакали отъ радости.

Тутъ была одна семья. Не было ни враговъ, ни недоброжелателей. Были только одни друзья и люди, которыхъ соединяло одно только восторженное счастье—имъ была всемогущимъ провидѣнiемъ дарована жизнь, которая какъ бы ни была горька, а все лучше смерти!

ВЪ ДОРОГѢ.

(Набросокъ.)

Переправившись изъ Казани на противоположный берегъ Волги, мы, измученные и усталые, потянулись по направленію къ поѣзду, который, благодаря любезности начальства, ждалъ насъ до 9 ч. вечера.

Но когда стали считать своихъ коллегъ, оказалось, что въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ не было самого нужнаго и необходимаго для насъ человѣка—режиссера Боголюбова.

Онъ былъ нуженъ и даже необходимъ намъ главнымъ образомъ потому, что у него, по нашимъ соображеніямъ, должны были находиться деньги, выданныя Унковскимъ намъ на дорогу въ видѣ аванса.

Иначе режиссеръ могъ свободно потонуть въ Волгѣ, и мы бы не стали имъ особенно интересоваться.

ВЪ ДОРОГѢ.

Желѣзнодорожное начальство дольше ждать не желало и намѣрено было отправить поѣздъ безъ нашего благосклоннаго участія.

Но на этотъ разъ судьба намъ покровительствовала.

За нѣсколько минутъ до отхода поѣзда наши отставшіе товарищи во главѣ съ Б. предстали предъ нами „ясныя очи“.

Все мы быстро размѣстились по жарко нагретымъ вагонамъ.

Все неудобства 3-го класса мы совершенно игнорировали въ виду того, что страшно прозябли, и намъ пріятно было въ теплѣ расправить и согрѣть свои окоченѣвшіе отъ холода члены.

А неудобствъ было очень много.

Воздухъ стоялъ такой, что хоть, „топоръ вѣшай“.

Вотъ премьеръ-теноръ, напр., взялъ съ собою кошку, которая въ дорогѣ разрѣшилась шестью котятами. Пискъ былъ на весь вагонъ и т. д.

На другой день мы благополучно прибыли въ Рязань.

По прибытіи въ Рязань мы немедленно потребовали отъ режиссера авансъ, данный ему Унковскимъ.

Режиссеръ былъ „пріятно изумленъ“.

— Что вы, господа, съ ума сошли?

Никакихъ денегъ мнѣ Унковскій не давалъ. Съ чего вы это взяли?

Мы сочли это за обманъ со стороны режиссера и подняли скандалъ. Начали грозить полиціей.

Чтобы предотвратить скандалъ, режиссеръ долженъ былъ каждому изъ насъ выдать изъ своихъ денегъ кому сколько могъ.

Получивъ отъ режиссера „подачки“, мы все же остались голы; какъ „турецкіе святыя“.

Средствъ оказалось очень мало.

Мы опять вынуждены были обратиться къ Рязанскому губернатору съ ходатайствомъ о выдачѣ намъ на проѣздъ билетовъ „для лицъ, впавшихъ въ бѣдность“.

Губернаторъ оказался очень милымъ и любезнымъ человѣкомъ и согласился удовлетворить нашу просьбу. Намъ были выданы билеты.

Все это нами было продѣлано днемъ.

Но намъ нужно было позаботиться о ночлегѣ.

О гостинницахъ мы даже и мечтать не смѣли при нашихъ капиталахъ.

Мы рѣшили обратиться къ „начальству“ и попросить у него позволенія переночевать на вокзалѣ.

Намъ „благосклонно“ разрѣшили въ виду нашего „исключительнаго положенія“, но не „военнаго“.

Дождавшись отхода послѣдняго поѣзда, мы начали укладываться спать.

Картина нашего ночлега получилась очень оригинальная.

Кто расположился на стульяхъ, кто на полу, кто на своихъ вещахъ.

Храпъ, носовой свистъ, дѣтскій плачь, мычанье оглашали вокзальный воздухъ.

Я, несмотря на страшную усталость и изнеможеніе, заснуть не могъ.

Почти всю ночь ходилъ по станціи, желая согрѣться, такъ какъ шуба моя была на „рыбьемъ мѣху“.

Въ концѣ концовъ утомленіе взяло верхъ, и я уснулъ, какъ убитый.

Еще 5 часамъ утра явились въ вокзалъ съ заспанными и недовольными фізіономіями оффиціанты и нарушили нашъ мирный покой.

— Эй, вы! Господа артисты! Будетъ дрыхнуть! Вставайте! Скоро приходитъ поѣздъ и стулья нужны для пассажировъ.

И при этомъ расталкивали насъ руками и ногами.

Мы всё отъ переутомленія спали, какъ убитые.

ВЪ Д О Р О Г Ъ.

Тогда официанты начали вытаскивать изъ подъ насъ стулья и багажъ и намъ волей неволей пришлось пробуждаться и скоро вся наша труппа была „въ полномъ составѣ“.

Жизнь закипѣла.

Началась выпивка, закуска, разговоры, остроты, смѣхъ, анекдоты...

Всѣ мы были жизнерадостны и довольны, что такъ счастливо избавились отъ угрожавшей намъ опасности.

Въ 5 часовъ вечера поѣздъ мчалъ насъ со скоростью черепахи къ Саратову.

На другой день вечеромъ мы были на мѣстѣ своего назначенія.

Всѣ тревоженія наши кончились и мы вздохнули свободно.

Мы были въ Саратовѣ.

СИМОНЪ СИГИРДАНСКІЙ.

Сигирданскій средняго роста человѣчекъ съ круглымъ, какъ луна лицомъ, имѣющій по фигурѣ форму куба, очень типичный и курьезный пѣвецъ.

Жизнь его, можно сказать, на артистическомъ поприщѣ вся усѣяна одними терніями, розъ ему не приходилось видѣть даже во снѣ.

Курьезныхъ случаевъ въ его артистической карьерѣ всѣхъ припомнить немислимо, да врядъ ли и самъ онъ все помнить.

Нѣкоторые курьезы постараюсь воспроизвести въ своей памяти и представить на судъ моимъ читателямъ.

Помню, разъ Сигирданскій былъ приглашенъ въ одно со мной оперное товарищество, совершавшее турнэ по Волгѣ.

Приглашенъ былъ спеціально для исполненія партій: Финна въ „Русланъ и Людмила“ и Сабинина въ „Жизнь за Царя“.

— Въ этихъ двухъ партіяхъ я не имѣю себѣ соперниковъ!—хвалился бывало самъ Сигирданскій.

Въ Симбирскѣ въ первый спектакль идетъ „Жизнь за Царя“.

Сигирданскій—Сабининъ.

На первой же фразѣ „Эхъ, ребята съ боли чести“ даетъ такого пѣтуха, что чертямъ становится тошно.

А тутъ еще впереди предстоитъ брать нѣсколько „si“-бемолей, а, что самое главное, третье „do“.

Хористы, желая по-пріятельски выручить изъ бѣды товарища, совѣтуютъ ему на ухо не брать „do“, а взять вмѣсто него „la“.

Но Сигирданскимъ овладѣлъ почему-то духъ гордыни и самонадѣянности, а вѣрнѣе всего нахальства.

— Нѣтъ, братцы! Я не привыкъ, какъ другіе тенора, шило въ мѣшкѣ таить и идти на фокусы. Разъ композиторъ требуетъ верхнее „do“,—я и дамъ публикѣ „do“. Для меня желаніе и память Глинки священны!

Хористы переглянулись и улыбнулись.

— „Эхъ ребята! Везъ похмѣлья

Нѣтъ въ Руси пировъ честныхъ!

И не ѣдетъ безъ веселья

СИМОНЪ СИГИРДАНСКІЙ.

(„si“ бемоль прошелъ благополучно)

Къ шумной свадебкѣ женихъ „!..

И на словѣ женихъ („do“) Сигирданскій далъ такой звукъ, что, если бы въ большомъ селѣ на зарѣ всѣ пѣтухи запѣли разомъ, и то не вышло бы такой ноты.

Звукъ былъ внѣ конкуренціи.

Хористы-старожилы рассказывали, что за свою долготѣтную сценическую практику они слыхивали отъ теноровъ всякіе звуки, но подобнаго ничего имъ въ жизни слышать не приходилось.

Послѣ этого случая карьера Симона Сигирданскаго пошла на смарку.

Онъ самъ ясно созналъ, что съ такимъ пѣтушинымъ голосомъ и слонообразной фигурой занять амплуа перваго тенора немислимо.

Одно время Сигирданскій съ отчаянія даже хотѣлъ покончить съ собою, но мысль о своихъ дѣтяхъ остановила его отъ этого безумнаго шага.

Сигирданскій рѣшилъ занять хотя и невидное, но „хлѣбное мѣстечко“ въ Большомъ театрѣ и постучаться въ его двери.

Какъ это ни странно (впрочемъ въ Большомъ театрѣ странностей не оберешься), Сигирданскому двери театра, какъ волшебный Сезамъ, отворились.

Его приняли „на вторыя и первыя“ партіи. Но „первыхъ“ партій ему не привелось видѣть, какъ своихъ ушей.

Режиссерское правленіе свело его на выходныя партіи, или, по просту выражаясь, „на-нѣтъ“.

Въ отместку режиссерамъ за всѣ причиненныя ему страданія Сигирданскій всѣ первыя партіи изъ назначенныхъ оперъ при его участіи исполнялъ дома.

Такъ, напримѣръ, идетъ сегодня опера „Кармень“,—Сигирданскій поетъ въ театрѣ Данкайро, а у себя въ квартирѣ—Хозе.

Въ театрѣ—гонца въ „Демонѣ“, а дома—Синодола; въ театрѣ—„запѣвалу“ въ „Евг. Онѣгинѣ“, дома—Ленскаго и т. д.

Послѣ домашняго исполненія первой партіи Сигирданскій чувствовалъ себя прекрасно, бралъ съ собой камертонъ и ѣхалъ въ театръ для исполненія выходной партіи.

— Да, чортъ возьми! Я бы превосходно провелъ партію Хозе вмѣсто Данкайро, но проклятое начальство!... Голосъ у меня звучитъ свободно, даже верхнее „do“ беру легко!

Но по дорогѣ въ театръ, пробуя по камертону голосъ, онъ чувствуетъ, что не хватаетъ цѣлаго тона.

Въ уборной театра снова пробуетъ голосъ и, — о, ужась! — чувствуетъ, что еще одинъ тонъ потерянь. Въмѣсто „do“ осталось „la“, да и то съ большою натяжкой.

— Друзья мои! — обращался въ театрѣ къ товарищамъ Сигирданскій, со слезами въ голосѣ. — Что такое со мной дѣлается? Не понимаю! Дома великолѣпное „do“, а пріѣду въ театръ, — двухъ тоновъ какъ ни бывало! Обращался ко всѣмъ свѣтиламъ медицинскаго міра, но, — увы! — напрасно. „Невозможное, говорятъ, невозможно“! Чувствую, что изъ за этого проклятаго „do“ сойду въ могилу!...

— —

На-дняхъ какъ-то встрѣчаю въ Большомъ театрѣ на первомъ представленіи „Золотого Пѣтушка“ своего стариннаго пріятеля.

Послѣ взаимнаго обмѣна привѣтствіями и комплиментами спрашиваю своего пріятеля, какъ онъ поживаетъ.

— Хочу непременно учиться пѣнію и быть теноромъ! Въ будущемъ знаменитость и капиталъ!

— Ради Бога Расскажи, что съ тобой за метаморфоза? Насколько мнѣ извѣстно, ты былъ врагъ музыки, а въ особенности артистовъ?

— Ничего не подѣлаешь. Дурные примѣры заразительны. На мое несчастье, мнѣ Богъ послалъ сосѣда-пѣвца по квартирѣ, да еще вдобавокъ тенора съ дикимъ-предикимъ голосомъ. Я сначала собрался-было переѣзжать съ квартиры, но теперь привыкъ. Ничего. Ты вѣдь знаешь, что привыкнешь и въ аду живешь, говоритъ пословица, а съ сосѣдомъ—козломъ, слѣдовательно, и по-давно можно учиться. Но мой сосѣдъ отчасти даже приноситъ мнѣ и пользу. По крайней мѣрѣ мнѣ не нужно покупать „Новостей Сезона“, такъ какъ сосѣдъ своимъ пѣніемъ ежедневно сообщаетъ мнѣ репертуаръ Большого театра.

Кромѣ этого, какъ сообщилъ мнѣ нашъ дворникъ, мой сосѣдъ, оказывается, даетъ и уроки пѣнія. Вотъ поэтому то я и хочу „задѣлаться“ пѣвцомъ.

Тутъ-то я понялъ, что мой пріятель остерить.

— Ты понимаешь,—продолжалъ мой пріятель, что „профессоръ“ этотъ играетъ на рояли только однимъ пальцемъ, а потому, конечно, аккомпанировать самъ неможетъ, а аккомпаниатора взять считаетъ лишнимъ.

— Пусть, говоритъ, мои ученики безъ аккомпанимента поютъ, съаккомпаниментомъ.

СИМОНЪ СИГИРДАНСКІЙ.

то всякій дуракъ споетъ! А курсъ пѣнія у этого профессора трехгодичный. Для те-
норовъ, напр., такой:

Первый годъ: Баллада Финна изъ оп.
„Русланъ и Людмила“. Второй годъ—арія
Лоренцо изъ оп. „Фра—Діаволо“ и третій
годъ—дуэтъ Кончаковны и Владиміра изъ оп.
„Князь Игорь“.

(Злые языки поговаривали, что въ этомъ
дуэтѣ есть „сі“ бемоль, очень трудно постав-
ленная, самъ профессоръ одинъ разъ пу-
стилъ на этой нотѣ здороваго пѣтуха.

Послѣ спектакля, чтобы реабилитировать
себя въ глазахъ режиссерскаго правленія,
созвалъ ихъ всѣхъ въ свою уборную, подо-
шелъ къ роялю, хотѣлъ взять это прокля-
тое „сі“ и, къ крайнему удивленію присут-
ствующихъ, снова сорвался.)

И всю эту программу онъ заставлялъ
пѣть безъ аккомпанимента.

Дастъ тебѣ первоначальный аккордъ, а
тамъ и изволь тянуть полчаса хотя бы
балладу Финна. А какъ чуть понизишь,
значить неготовъ. Одинъ мой знакомый тре-
тій годъ сидитъ на первомъ курсѣ изъ-за
этой баллады, а профессору, конечно, это
даже выгодно, деньги платитъ за ученіе.

Мой пріятель расхохотался.

— А кто бы ты думалъ,—спросилъ онъ меня,—этотъ мой сосѣдь и „профессоръ“? Не угадаешь?

— Нѣтъ. Не знаю!

Это „знаменитый“ Симонъ Сигирданскій! Каковъ? А?

Сначала я превратился въ вопросительный знакъ, а потомъ схватился за животъ и началъ хохотать до неприличія.

АНДРЕЙ ШУБАНСКІЙ.

Шубанскій возомнилъ себя артистомъ, да вдобавокъ еще пѣвцомъ.

Но онъ самъ точно не могъ опредѣлить, что у не за голосъ:

— Басъ? Баритонъ? Сопрано?

Началъ обращаться ко всевозможнаго рода „профессорамъ“ и брать у нихъ уроки пѣнія.

Одни учили его пѣть басомъ, другіе — баритономъ, третьи — теноромъ.

Но въ общемъ у него не оказывалось ни того, ни другого, ни третьяго.

Прочитывая какъ-то газетныя объявленія, Шубанскій наткнулся на объявленіе профессора пѣнія Зонателли такого свойства:

„Укрѣпляю самыя слабыя и разбитыя голоса въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. У неимѣющихъ голоса совершенно, — голосъ, при

моихъ занятіяхъ, появляется всего только въ теченіи шести мѣсяцевъ“.

Шубанскій немедленно отправился къ профессору.

И что бы вы думали?

Профессоръ Зонателли нашелъ, что у Шубанскаго чудное драматическое сопрано и что онъ, Шубанскій, въ нѣкоторомъ родѣ монстръ и долженъ своимъ голосомъ покорить весь міръ.

Но насколько не былъ глупъ Шубанскій, профессору все-таки не повѣрилъ и рѣшилъ самъ себѣ ставить голосъ.

Въ голосѣ его, который оказался приблизительно теноромъ, были всѣ ноты, кромѣ третьяго „do“.

И поэтому Шубанскій рѣшилъ во что бы то ни стало добыть и достать это третье „do“, даже если бы ему пришлось для этого встать на „цыпочки“.

Насколько это вѣрно, не могу ручаться, но знакомые его рассказывали мнѣ, какъ Шубанскій доставалъ верхнее „do“.

Одно лѣто онъ поселился на дачѣ въ Лѣсномъ, подъ Петербургомъ.

Каждый день вставалъ въ девять часовъ утра, тренировался, и въ девять часовъ ве-

вчера уходилъ въ лѣсъ и захватывалъ съ собою веревку,

Веревку эту однимъ концомъ онъ привязывалъ къ сосновому суку, а на другомъ концѣ дѣлалъ петлю, которую набрасывалъ себѣ на шею, и становился на пенъ.

Просовывалъ обѣ руки въ петлю, чтобы предохранить себя отъ удавленія, давалъ себѣ по камертону высокое „do“, соскакивалъ съ пня и оралъ: „Карманъ! Карманъ! Карманъ!“

„Карманъ“ вмѣсто „Кармень“ онъ оралъ потому, что на высокихъ нотахъ буква „е“ ему не удавалась, а поэтому онъ и рѣшилъ вмѣсто „е“ брать букву „а“.

А затѣмъ... затѣмъ съ Шубанскимъ случилось несчастье.

За нимъ и за его продѣлками стала слѣдить полиція. Она сочла его сумасшедшимъ и въ одно непрекрасное для него время застала его за экспериментами, взяла „подъ сумлѣніе“ и свезла въ психіатрическую лѣчебницу св. Николая-Чудотворца.

Шубанскій сталъ официально сумасшедшимъ и остался безъ всякихъ средствъ.

Мы, его товарищи по профессіи, взялись его выручать всѣми правдами и неправдами.

Устроили концертъ и выручили въ его пользу чистаго барыша 175 рублей.

На эти деньги выручили его изъ лѣчебницы и отправили въ Москву.

Къ большому нашему удовольствію (и къ стыду антрепренеровъ), Шубанскій получилъ ангажементъ въ частную московскую оперу.

Дебютъ его состоялся въ „Аидѣ“.

Одѣли его какимъ-то чучеломъ и въ этомъ костюмѣ выпустили на сцену.

Одно его появленіе вызвало веселое настроеніе у публики.

Человѣкъ онъ былъ въ высшей степени немзыкальный, не понималъ ни размѣра, ни ритма.

Онъ, напр., за два—за три такта открывалъ ротъ, чтобы не пропустить вступленія и, съ открытымъ ртомъ стоялъ въ ожиданіи его.

Получалось такое впечатлѣніе, какъ будто ртомъ онъ ловилъ мухъ.

Публика смѣялась.

Одинъ московскій хроникеръ по поводу дебюта Шубанскаго помѣстилъ въ мѣстной газетѣ слѣдующую замѣтку:

„Отъ души привѣтствуемъ появленіе на сценѣ въ „Аидѣ“ тенора Шубанскаго и приносимъ сердечную благодарность дирекціи за доставленное намъ удовольствіе.“

АНДРЕЙ ШУБАНСКИЙ.

Мы давно такъ искренно и отъ души не смѣялись“.

Приходилось мнѣ видѣть Шубанскаго и въ концертахъ.

Онъ какъ нарочно выбиралъ для пѣнія такія вещи, которыя ему были не по плечу, а потому кромѣ улыбки и смѣха у публики онѣ ничего не вызывали.

Помню, на одномъ изъ такихъ концертовъ онъ пѣлъ каватину Фауста, въ которой, какъ извѣстно каждому, есть верхнее „do“ — камень преткновенія для большинства теноровъ. Шубанскій пѣлъ такъ:

„Здѣсь все твердить душѣ *маай*...

О *най*, о *най преластной!*..“

Начиная съ „fa“ онъ мѣнялъ букву „e“ на „a“.

Публикѣ иногда очень нравятся смѣшныя вещи и выходы.

Публика кричала *bis!*

На *bis* Шубанскій, отъ искренняго сердца, принимая вызовъ за чистую монету, спѣлъ романсъ Донъ-Хозе съ цвѣткомъ, который закончилъ словами:

„Моя душа на вѣкъ твоя *Карманъ!*“

Публика хохотала и была довольна.

.....
Спустя нѣсколько времени я уѣхалъ на

гастроли въ Кіевъ и потерялъ Шубанскаго изъ виду.

Послѣ мнѣ передавали, что онъ будто бы съ „успѣхомъ“ однажды выступилъ въ роли „Дюффрена“ въ оп. „Заза“.

На спектаклѣ этомъ случайно присутствовала одна изъ замоскворѣцкихъ купчихъ нѣкая Маланья.

Она до того расчувствовала отъ пѣнія Шубанскаго, что рѣшила немедленно бросить своего слоновобразнаго мужа Пафнутія, познакомилась съ Шубанскимъ и уакила съ нимъ за границу.

Такъ сдѣлалъ себѣ „карьеру“ теноръ Андрей Шубанскій.

РЕЦЕНЗЕНТЪ.

Года четыре тому назадъ мнѣ пришлось гастролировать въ г. Е.

Въ одинъ изъ спектаклей я гриммировался въ своей уборной, готовясь къ выходу.

Послышался стукъ въ дверь.

— Можно войти? — спрашивалъ чей-то голосъ съ еврейскимъ акцентомъ.

Я оглянулся на дверь. Въ нее просунулась чья-то рука со свернутымъ бумажнымъ листомъ.

— Войдите! — крикнулъ я.

Въ дверяхъ показалась глупо улыбающаяся фizioномія старичка еврейскаго типа.

— Сколько лѣтъ! Сколько зимъ мы не видались! — подобострастно воскликнулъ старичокъ, протягивая мнѣ руку. — Я думаю, вы меня совсѣмъ забыли?

— Да, дѣйствительно, я что-то васъ не помню, — недоумѣвающе отвѣтилъ я.

— Я, видите ли, корреспондентъ „Е. Листка“

и профессоръ музыкальной школы въ здѣшнемъ городѣ.

— Очень радъ! Садитесь! Чѣмъ могу служить?

— Видите ли, г. Южинъ, я, какъ рецензентъ, обязанъ дать завтра отчетъ въ газетахъ о сегодняшнемъ спектаклѣ. Я долженъ предупредить васъ, что здѣшняя публика очень чутко прислушивается къ моимъ рецензіямъ. Публика у насъ въ высшей степени музыкальная. Я, конечно, увѣренъ, что вы въ роли Ромео будете неподражаемы и приведете нашу публику въ неописуемый восторгъ. Еще разъ повторяю, что если бы я написалъ, что ваша труппа слаба,— на другой же день театръ вашъ былъ бы пустъ... Согласитесь, что пресса имѣетъ громадное значеніе...

— Я вполне съ вами согласенъ. Но согласитесь и вы со мной, что пресса очень часто искажаетъ факты.

— Да, это бываетъ, но все-таки мой дружескій совѣтъ съ прессой не ссориться.

— Я и не думаю! Я всегда съ удовольствіемъ прочитываю въ газетахъ отзывы о своей игрѣ музыкальныхъ критиковъ и стараюсь всегда пользоваться ихъ разумными и

РЕЦЕНЗЕНТЪ.

дѣльными указаніями. По-моему, пресса должна быть всегда и вездѣ правдива. Помните, еще сколько лѣтъ тому назадъ Гоголь сказалъ: „съ печатнымъ словомъ надо обращаться честно.“ Помните?

— Да, что-то такое было, но не помню, гдѣ и когда...

Раздался звонокъ, и въ уборную вбѣжалъ, запыхавшись, режиссеръ и „нѣжно носовымъ“ дребезжащимъ теноркомъ, плѣнявшимъ когда-то женскія сердца, пригласилъ меня къ выходу на сцену.

—Итакъ, извиняюсь, —обратился я къ рецензенту, — сейчасъ мой выходъ, а завтра я съ удовольствіемъ прочту вашу рецензію. Имѣю честь кланяться. И я протянулъ ему руку.

Но рецензентъ не двигался съ мѣста и, видимо, что-то хотѣлъ сказать мнѣ.

— Можетъ-быть, вы еще что-либо хотѣли сказать мнѣ? — обратился я къ нему.

— Видите ли, г. Южинъ! Меня и мою семью вы „обошли мѣстами“ въ театрѣ.

— Насколько мнѣ помнится, въ вашу редакцію я послалъ ложу на всѣ мои спектакли?

— Да, ложу получили, но ее взялъ самъ редакторъ съ своей семьей, а я и моя семья остались не при чемъ. Видите ли, я долженъ

признаться откровенно, у меня такой обычай: разъ мнѣ придется покупать на свои деньги мѣста для своей семьи, я отношусь всегда къ исполненію артиста очень строго. Если же нѣтъ, то наоборотъ. Повѣрьте мнѣ я никогда не видалъ и не слыхалъ васъ на сценѣ, но я уже заранѣе приготовилъ для васъ хвалебную рецензію въ полной увѣренности, что вы дадите мнѣ и моему семейству бесплатные мѣста. Вотъ неудобно ли вамъ просмотрѣть?

И онъ подалъ мнѣ исписанный листъ бумаги. Я началъ его просматривать. Похвалы были такія, что мнѣ не столько за себя, сколько за рецензента было стыдно. Онъ называлъ меня и „божественнымъ“, и единственнымъ, и неподражаемымъ, и геніальнымъ и сравнивалъ меня со всѣми знаменитыми пѣвцами міра, бывшими и настоящими, при чемъ мнѣ, конечно, отдавалъ предъ ними пальму первенства.

— Послушайте!—обратился я къ нему. Неужели вы бы рѣшились напечатать подобную ерунду въ завтрашнемъ номерѣ? Неужели вамъ не было бы стыдно за себя? Кромѣ того, что вы меня и моей игры совершенно не знаете, вы не знаете и самой оперы! Вы пишете, что, „въ финалѣ чет-

РЕЦЕНЗЕНТЪ.

вертаго акта я привожу въ дикій восторгъ публику и весь зрительный залъ разражается рукоплесканіями, которыя длятся около десяти минутъ.“ А я долженъ сказать вамъ, что въ финалѣ четвертаго акта я совершенно не участвую. Это съ вашей стороны небольшая ошибка. Да, милѣйшій „профессоръ“, прежде чѣмъ писать рецензіи, нужно имѣть хоть каплю порядочности и здраваго смысла. А у васъ, къ сожалѣнію, ни того, ни другого нѣтъ. Возьмите вашу рецензію себѣ обратно и оставьте себѣ на память. Имѣю честь кланяться, мнѣ пора на сцену!...

На другой день я купилъ № „Е. Листка“ и прочелъ, къ крайнему своему удивленію, такого сорта рецензію:

„Опера прошла очень вяло. Исполнители невозможны, а что касается гастролера г. Южина, то онъ былъ положительно невозможенъ.“

Вотъ какъ пишутъ „рецензенты“.

ТЕОКТИСТЪ ЛЕВИЦКІЙ.

(Курьезы изъ его театральной дѣятельности).

Мнѣ сейчасъ припоминается очень ясно наша поѣздка съ Ѳ. Левицкимъ по Югу. Курьезовъ была масса.

Такъ, напр., въ Таганрогѣ произошелъ такой курьезъ.

Шла опера „Маккавей“ Рубинштейна.

Очень трудно было достать статистовъ. Въ концѣ-концовъ достали. Они должны были изображать ассирійскихъ воиновъ. Предводителя ассирійскихъ войскъ изображалъ самъ Левицкій. Онъ же и режиссеръ.

— Господа!—обратился Левицкій къ статистамъ.—Времени у насъ мало. Объяснить вамъ подробности некогда. Одно скажу: будьте внимательны, смотрите на меня и дѣлайте то, что буду дѣлать я!

И вотъ во главѣ съ своимъ предводителемъ (Левицкимъ) выходятъ на сцену статисты, солдаты, одѣтые въ какіе-то индійскіе костюмы, съ бородами и париками

Д. Ю Ж И Н Ъ.

изъ собачьей шерсти, похожіе очень по виду на самоѣдовъ.

Происходитъ такая сцена.

Левицкій поетъ: „Здѣсь водрузимъ копьѣ“ (вбиваетъ копьѣ въ землю).

Статисты продѣлываютъ точъ въ точъ то же самое, при чемъ поютъ дикими голосами.

Публика въ недоумѣніи.

Левицкій обращается въ полголоса къ статистамъ на малороссійскомъ языкѣ (онъ былъ малороссъ): „що вы бісовы диты казали! Мовчите!“

Статисты повторяютъ его фразу слово въ слово.

Публика хохочетъ.

Левицкій, стараясь замаять инцидентъ, направляется на авансцену.

Статисты не отступаютъ: дуютъ за нимъ по пятамъ.

Словомъ, что бы Левицкій ни пѣлъ и ни продѣлывалъ, пѣли и продѣлывали то же и статисты.

Публика хохотала.

Оркестръ растерялся до невозможности и доигрывалъ одинъ.

Левицкій ругался все время на малороссійскомъ языкѣ, статисты повторяли за нимъ ту же ругань и на томъ же языкѣ.

ӨЕОКТИСТЪ ЛЕВИЦКІЙ.

Получилось большое недоразумѣніе, вышелъ большой скандалъ, и пришлось опустить занавѣсъ, не докончивъ акта...

Второй курьезъ.

Идетъ „Демонъ“. Левицкій поетъ слугу, онъ же и режиссеръ:

Сцена въ ущельѣ.

Левицкій выходитъ на сцену и, увидавъ, что въ будцѣ нѣтъ суфлера, не желаетъ пѣть.

Капельмейстеръ даетъ вступленіе.

Левицкій качаетъ головой.

Капельмейстеръ, не понимая, въ чемъ дѣло, даетъ снова вступленіе.

— Суфлера въ будцѣ нема! — выпаливаетъ вслухъ Левицкій.

Хористы начинаютъ ему суфлировать: „Стой, братцы, стой!“

— Я знаю що треба спиваты! Суфлера въ будцѣ нема! Оце ни діло!..

Левицкій, какъ режиссеръ, всегда любилъ вмѣшиваться во всякое дѣло и выражался такъ:

„У меня все должно быть стильно и сценично“. И поэтому случаю однажды взялся вымуштровать статиста-солдата.

Левицкій призываетъ къ себѣ солдата.

— Слушай ты, морда! Когда хоръ споетъ „Ноченьку“, всѣ засыпають. Ты долженъ одинъ стоять на стражѣ, опираясь на ружье. Но помни, чортъ, что власть Демона такъ сильна, что въ концѣ-концовъ и ты долженъ заснуть. Но ты все-таки долженъ сопротивляться Демону, и такъ, чтобы публика это видѣла и поняла, отчего ты заснулъ. Понимаешь? Главное, чтобы было это все сценично и стильно.

— Такъ тошно, ваше благородіе!

— Я буду самъ стоять на сценѣ и укажу, гдѣ тебѣ нужно будетъ стоять и гдѣ упасть.

Идетъ дѣйствіе.

Хоръ пропѣлъ „Ноченьку“ и постепенно замеръ. Караванъ уснулъ.

На сценѣ стоитъ стражъ, „муштрованный“ Левицкимъ солдатъ.

Появляется въ дуплѣ Демонъ.

„Его я во время молитвы

„Мечтою сладкой усыплялъ!“ — поетъ Демонъ.

Съ солдатомъ дѣлается не по себѣ.

То онъ хватается за животъ, то зѣваетъ, то дѣлаетъ невозможныя гримасы.

Въ концѣ-концовъ онъ смотритъ на Демона, вздыхаетъ, крестится и лепечетъ какія-то несвязныя молитвы.

Съ нимъ сдѣлался испугъ, и солдатъ инстинктивно пятится къ суфлерской будкѣ.

Суфлеръ, думая, что солдатъ хочетъ удрать, хватается его за ногу.

— Куда ты, чортовъ сынъ? Стой на мѣстѣ!— шепчетъ ему суфлеръ.

Публика увидала продѣлку суфлера и гочетъ во все горло.

— Держи, держи его! А то удереть чортова кукла!— слышится съ галерки.

Демонъ исчезаетъ.

Стражъ успокаивается, дѣлаетъ видъ, что и онъ засыпаетъ.

За кулисами слышятся голоса хора:

„Тише, тише, подползайте!“

Солдату опять становится жутко. Онъ намѣревается удрать, но... суфлеръ держитъ его за ногу.

Наконецъ, выходитъ давно ожидаемый врагъ и наноситъ солдату „смертельную“ рану, отъ которой тотъ валится и притворяется мертвымъ.

Драка прошла...

Синодаль въ бреду скачетъ къ невѣстѣ, но Демонъ преграждаетъ ему путь.

— Кто это? Кто тамъ стоитъ?— поетъ князь.

Солдату опять становится жутко, и онъ, „мертвый“, начинаетъ приподниматься.

Но когда онъ увидалъ Демона, вдругъ привскочилъ и хотѣлъ броситься со сцены, какъ сумасшедшій.

Но не такъ-то легко было ему это сдѣлать. Суфлеръ за нимъ зорко слѣдилъ и въ нужный моментъ схватилъ его за фалды кафтана.

Солдаты рванулся, и фалды остались въ рукахъ суфлера.

Публика надрывала животики отъ смѣха.

— — —

Дальнѣйшій куръезъ былъ въ томъ же „Демонѣ“.

Левицкій рѣшилъ, что вмѣсто убитого Синодала-чучела „для большей экспрессіи“ нужно вынести живого человѣка.

Для этого онъ выбралъ солдата-статиста и далъ ему инструкцію:

— Слушай, чортовъ кумъ! Тебя положить на носилки и вынести на сцену. Смотри, не шевелись. Помни, что ты убитый! Все это, главное, должно быть сценично, и стильно!..

— Слушаю, ваше-скородіе!

— То-то! Смотри!

Задумано, сдѣлано.

Вносятъ на сцену тѣло убитого Синодала.

Все было бы хорошо, если бы не случилось нѣчто скверное.

ФЕОКТИСТЪ ЛЕВИЦКІЙ.

Кто-то, желая подложить „свинью“ Левицкому, осыпалъ весь костюмъ мертваго Синодала нюхательнымъ табакомъ.

Тамара припадаетъ къ трупъ и неистово рыдаетъ надъ умершимъ женихомъ-статистомъ солдатомъ.

Солдатъ едва сдерживается, чтобы не чихнуть.

Тамара пускаетъ игру во-всю, играетъ, какъ принято называть у насъ, „двадцатымъ номеромъ“, рыдаетъ и теребитъ трупъ во всѣ стороны.

Солдатъ не выдерживаетъ этой марки.

— А пчхи! — раздается по всему театру.

— А-пчхи! — повторяется еще разъ.

Тамара совершенно растерялась и, чтобы замаять непріятный инцидентъ, прибѣгаетъ къ особому приему: припадаетъ на трупъ своего жениха и зажимаетъ ему пальцами носъ, отчего съ послѣднимъ дѣлаются схватки и корчи.

Тамара сама отъ близости къ чихающему трупъ тоже заражается „чиханьемъ“, но долго сдерживается.

Но когда бросается на шею своего отца, у нея терпѣніе лопается.

— А-пчхи! — раздается на весь театръ.

Сначала это было на низкихъ нотахъ, но

потомъ пошло на „до“, на „ре“, на „ми“ и т. д.

Въ публикѣ гомерическій хохоть.

Гудаль въ свою очередь старается замять этотъ инцидентъ, подходитъ къ Тамарѣ и поеть:

„Что съ тобой, дочь моя“?

— А-пчхи!—вдругъ выпаливаетъ онъ, невольно заражаясь чиханьемъ отъ своей дочери.

Тѣло убитаго князя чихаетъ, Тамара чихаетъ, Гудаль чихаетъ, хоръ-грузины, заразившись отъ первыхъ персонажей, тоже чихаютъ.

Чиханье идетъ на весь театръ.

Въ довершеніе всего даже суфлеръ чихаетъ.

— А-пчхи!—разносится по всему театру.

Въ концѣ-концовъ,—о, ужасъ!—даже оркестръ началъ чихать.

Началось съ капельмейстера — и кончилось барабанщикомъ.

Публика хохотала.

Пришлось опустить занавѣсъ.

— Вотъ это, дѣйствительно, вышло сценично, а главное *стильно*, чортъ ихъ побере, — сказалъ Левицкій.

— Совершенно вѣрно. Очень *стильно*, — подтвердили ему артисты.

КАРЬЕРИСТЫ.

(ИЗЪ БЫТА РУССКИХЪ АРТИСТОВЪ).

Лавры „знаменитостей“ не давали спать тенору А. и сопрано А.

На яву и во снѣ они только и мечтали о томъ, какъ бы составить себѣ имя за границей.

Деньженки у нихъ были.

Задумано—сдѣлано.

Отправились въ Италію, въ страну, гдѣ приобрѣтаются всѣми правдами и неправдами патенты на званіе „всемирныхъ знаменитостей“.

Поселились въ Миланѣ и начали подыскивать себѣ антрепренера.

Антрепренеръ долго ждать себя не заставлялъ.

Явился съ предложеніемъ своихъ услугъ антрепренеръ нѣкто Казарини, впоследствии, какъ и слѣдовало ожидать, оказавшійся шарлатаномъ.

Господинъ Казарини взялся снять для будущихъ „знаменитостей“ театръ въ Римѣ.

Не говоря дурного слова, прежде всего синьоръ Казарини взялъ авансомъ 5000 лиръ и за эти же деньги обѣщался устроить „артистамъ“ широковѣщательную рекламу, а кромѣ того ангажементъ въ „La Scala“, а потомъ даже и въ Америку.

У „артистовъ“ отъ такой блестящей перспективы, что называется, „въ зобу дыханье сперло и закружилась голова“.

Счастье было такъ близко и такъ возможно!

Они безпрекословно согласились.

Артисты начали „заниматься“.

Наняли учителей пѣнія, учителей сцены.

Само собою разумѣется, за это ученіе съ нихъ тоже драли деньги.

Накавунѣ отъѣзда изъ Милана „гастро-леры“ наши устроили шикарный прощальный обѣдъ въ загородномъ ресторанѣ Савини.

На этотъ обѣдъ были приглашенъ и я.

Шампанское за обѣдомъ лилось рѣкой, тостамъ въ честь будущихъ знаменитостей не было конца.

Всѣ гости, кромѣ меня, были увѣрены въ успѣхахъ нашихъ собратьевъ и сулили пѣвцамъ блестящую карьеру въ будущемъ, а

КАРЬЕРИСТЫ.

нѣкоторые, изъ болѣе подвыпившихъ, обѣщали даже поставить имъ современемъ памятникъ въ Москвѣ, противъ Большого театра, „за прославленіе за границей русскаго искусства“.

На другой день въ 12 ч. поѣздъ при крикахъ русскихъ „да здравствуютъ русскіе артисты и искусство!“ умчалъ нашихъ собратьевъ въ Римъ за славой и за лаврами.

.

Проходитъ недѣля, проходитъ другая, проходитъ третья—о нашихъ пѣвцахъ никакихъ извѣстій.

— Что бы это значило? Не заболѣли ли они?—недоумѣвая спрашивали мы другъ-друга, встрѣчаясь въ галлерей Виктора-Эммануила.

Но недоразумѣніе наше вскорѣ выяснилось.

Я встрѣтилъ театральнаго агента *Argenti*, который зналъ „всѣхъ и вся“ изъ театральнаго міра.

Онъ сообщилъ мнѣ про нашихъ „героевъ“ такую вещь.

Когда къ назначенному синьоромъ Казарини сроку они явились въ театръ, театръ оказался запертымъ.

Этимъ обстоятельствомъ они были обезкуражены.

Обратились къ управляющему театромъ:

— Почему театръ запертъ и почему въ немъ не идутъ подготовительныя репетиціи оперы „Севильскій Цирюльникъ“?

Управляющій театромъ былъ пріятно изумленъ.

— Вы, синьоры, вѣроятно, ошиблись и не туда попали?

— Но вѣдь это театръ Россини?

— Совершенно вѣрно! Но онъ свободенъ, его никто не снималъ!

— Но какъ же? Помилуйте! Мы приглашены антрепренеромъ Казарини пѣть въ немъ „Севильскаго Цирюльника“?

— Мм... мм... — промычалъ управляющій.

Онъ сообразилъ сразу, что русскіе дураки попали въ ловушку и, раскинувъ мозгами, рѣшилъ, что съ этихъ дураковъ можно еще кое-что „содрать“.

— Господа! — сказалъ онъ. — Вы сдѣлались жертвой мошенничества. Театръ этотъ никто не снималъ, и онъ въ настоящее время свободенъ. Предлагаю вамъ, какъ честный человѣкъ, снять театръ на свой рискъ и страхъ. Что касается хора и оркестра, ихъ можно собрать въ одинъ день, а что касается артистовъ и капельмейстера, ихъ можно моментально выписать изъ Милана.

КАРЬЕРИСТЫ.

Театръ съ освѣщеніемъ и декораціями къ вашимъ услугамъ за 125 лиръ въ вечеръ. Деньги, какъ водится, за десять спектаклей впередъ.

Успѣхъ обезпеченъ!

Померекали наши „артисты“ и, чтобы не возвращаться съ позоромъ въ Миланъ, рѣшили на свой рискъ и страхъ снять театръ.

Въ Италіи существуетъ такой обычай. Всѣмъ участвующимъ въ собранной труппѣ платится обыкновенно за 15 дней впередъ, такъ-называемые „quandecine“.

Въ силу такихъ условій нашимъ предпринимателямъ пришлось заплатить труппѣ авансомъ около 20000 лиръ.

Все было оформлено.

Но.. бѣда не ходитъ одна...

Назначена была общая репетиція.

Капельмейстеръ синьоръ Колетти.

Дошла очередь до „русскихъ соловьевъ“. Они запѣли.

Колетти останавливаетъ оркестръ и обращается къ „русскимъ соловьямъ“ съ такою рѣчью:

— Господа, русскіе артисты! И вы же, кажется, антрепренеры!

Въ своей жизни я много слышалъ собакъ, но такихъ, какъ вы, мнѣ до сего времени

Д. Ю Ж И Н Ъ.

еще не приходилось слышать! Пѣть вы совершенно не можете. Если хотите, чтобы я дирижировалъ, прошу васъ пригласить для исполненія партій Альмавивы и Розины другихъ артистовъ!

А герои наши какъ-разъ и исполняли эти партіи.

Герои наши были оскорблены и выписали изъ Милана другого капельмейстера.

Но, къ крайнему ихъ стыду и позору, и этотъ дирижеръ отказался дирижировать...

Результатъ.

Истрачено 25000 лиръ, не считая платы учителямъ и всевозможныхъ расходовъ по поѣздкѣ и содержанію.

И за все это не пришлось даже и спѣть ни разу. Ни одной нотки итальянская публика не услыхала отъ „русскихъ артистовъ“.

Нравоученіе:

Съ суконнымъ рыломъ не слѣдуетъ свой носъ въ калачный рядъ совать.

ГАСТРОЛЕРЪ.

На уличныхъ столбахъ г. Б. были расклеены саженныя афиши, которыя извѣщали публику, что 10 числа состоится гастроли „знаменитаго тенора Сѣверова“.

Гастроли этого тенора для города Б. были выдающимся событіемъ и любители пѣнія ликовали отъ восторга.

— Наконецъ то дождались!

На первые три спектакля билеты были уже всѣ проданы и на кассѣ театра красовался аншлагъ.

Казалось бы все обстояло какъ лучше некуда, но... антрепренеръ театра ходилъ все время повѣся носъ и тяжело вздыхалъ.

— Знаешь что, Петя, — дѣлился онъ горемъ со своимъ пріятелемъ. — Повидимому, все идетъ хорошо, а у меня на душѣ кошки скребутъ. Ты представить себѣ не можешь, что за непріятныя и противныя существа г.г. тенора, а въ особенности знаменитости вродѣ этого Сѣверова? Мало того, что они де-

руть съ насъ гонораръ необычайныхъ размѣровъ, все время капризничаютъ, какъ дѣти: то это ему не такъ, то это не ладно. Вотъ у меня завтра спектакль, а чортъ его знаетъ, пріѣдетъ этотъ г. Сѣверовъ, или нѣтъ? Кто его знаетъ, выкинетъ опять какую-нибудь штуку, а завтра прочтешь въ газетахъ, что теверъ Сѣверовъ ранилъ себя и пріѣхать къ намъ не можетъ. Что тогда я буду дѣлать съ публикой? Мало того, что деньги хорошія назадъ отберутъ, еще избить могутъ! Народецъ аховый! Пойду, побѣгу сейчасъ на телеграфъ, подамъ ему телеграмму, а то душа положительно не на мѣстѣ.

— Ну, ничего успокойся, авось пріѣдетъ, утѣшалъ антрепренера пріятель.

Черезъ нѣсколько часовъ отъ Сѣверова была получена отвѣтная телеграмма: „Встрѣчайте! Буду завтра утромъ курьерскимъ. Секретарь Винокуровъ“.

Антрепнеръ подпрыгнулъ отъ восторга чуть не до потолка, и изъ грустнаго голоса у него сдѣлался моментально веселымъ и ласковымъ.

— Ну, вотъ видишь, Петя, — говорилъ онъ своему пріятелю, — я зналъ, я зналъ, что Сѣверовъ не такая скотина, какъ другіе! Сказалъ пріѣдетъ и вотъ, видишь, ѣдетъ!

ГАСТРОЛЕРЪ.

Сегодня же будемъ готовить ему торжественную встрѣчу. Приготовить нужно депутаціи изъ хористовъ и капельдинеровъ, одѣть ихъ въ бутафорскіе костюмы, приготовить цвѣты, разослать по всѣмъ редакціямъ, что бы разванивали объ его приѣздѣ во всѣ колокола, они это умѣютъ, мошенники! Пойду самъ попрошу этого репортеришку Уткина, чтобы сочинилъ про Сѣверова какую нибудь романтическую исторію, вродѣ того напримѣръ, что вотъ молъ, „не дождая до станціи Висбиновная, на курьерскій поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ извѣстный пѣвецъ Сѣверовъ, бандитами было устроено нападеніе и вотъ одинъ изъ бандитовъ занесъ уже надъ головой Сѣверова ножъ, какъ былъ внезапно остановленъ прекрасной атаманшей съ лицомъ ангела. Атаманша сейчасъ же влюбилась въ тенора, а онъ ей спѣлъ романсъ Рауля изъ оп. „Гугеноты“ ну, однимъ словомъ что нибудь въ этомъ родѣ. Уткинъ ужъ тамъ нагородить! Его только попросить хорошенько, а то онъ такое выдумаетъ, что Фигнеру и во снѣ не приснится! И антрепренеръ исчезъ въ „сіяньи голубого дня“...

На другой день театральная депутація торжественно встрѣтила Сѣверова на вокза-

лѣ и отправила его въ заранѣе приготовленные апартаменты лучшей въ городѣ гостинницы, гдѣ онъ и расположился на отдыхъ.

Къ семи часамъ вечера по городу распространился слухъ, что Сѣверовъ пѣть не будетъ.

Одинъ изъ любителей искусства немедленно направился къ антрепренеру театра провѣрить, на сколько вѣрны эти слухи!

Антрепренеръ Федя Зубровскій, какъ сумашедшій, бѣгалъ въ своемъ кабинетѣ изъ угла въ уголъ и рвалъ на себѣ волосы.

— Вы понимаете какая штука вышла, набросился антрепренеръ на обывателя. Вы представить себѣ не можете, что за мерзавецъ этотъ Сѣверовъ? Это какой то Нильскій крокодилъ, а не артистъ. Безъ ножа меня, анафема, зарѣзалъ. Положимъ и я хорошъ! Дернулъ меня чертъ справляться объ его здоровьѣ, вотъ теперь самъ и виноватъ выхожу!

— Что такое, въ чемъ дѣло? Разскажите, какъ слѣдуетъ, а то у васъ ни черта не поймешь!

— Видите ли какая штука, дорогой мой. Захожу это я къ нему въ Грандъ-Отель. Спрашиваю лакея, что и какъ? Лакей гово-

ГАСТРОЛЕРЪ.

рить, что все обстоит благополучно и что г. Сѣверовъ могутъ принять и чувствуютъ себя хорошо.

Вхожу въ номеръ.

— Ну, какъ отдохнули, спрашиваю, съ дороги?

— Да, ничего, говорить, чувствую себя превосходно и надѣюсь буду пѣть хорошо.

Потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего предлагаетъ мнѣ взять его за носъ.

— Ну, думаю, человѣкъ въ хорошемъ настроеніи и шутить изволить. Беру за носъ.

— Ну, что говорить, холодный у меня носъ, или горячій?

— Горячій! говорю.

— Можетъ быть холодный? Переспрашиваетъ.

— Нѣтъ, говорю опять, горячій.

Вдругъ онъ какъ шарахнется отъ меня въ сторону, да какъ заоретъ благимъ матомъ:

— Разъ вы утверждаете, что у меня носъ горячій, въ такомъ случаѣ пѣть сегодня я у васъ не могу и не буду! Потрудитесь перенести спектакль на завтра!

Я такъ и присѣлъ. Меня чуть кондрашка не хватилъ.

— Слышите! Пѣть сегодня не — бу — ду!
До свиданія!

Вотъ такъ подлець, подумалъ я выходя
отъ него. Придумалъ же свинья полосатая
такую штуку. Не даромъ про него говорили,
что фокусникъ! Наказалъ меня, мерзавецъ,
на 3000. Ну, теперь, братъ, больше меня не
надуешь! Посмотримъ завтра!, заключилъ
плачевно свой рассказъ антрепренеръ.

На слѣдующій день утромъ антрепренеръ
снова заявился въ номеръ къ Сѣверову и
нашелъ его лежащимъ въ постели, обложен-
наго сплошь компрессами.

— Что съ вами, дорогой мой?

— Какъ видите, совершенно боленъ пѣть
и сегодня не придется. Носъ горячій, какъ
огонь. Пощупайте!

— “Э, нѣтъ братъ, теперь не надуешь”, —
подумалъ антрепренеръ и дотронулся
до носа.

— Носъ у васъ совершенно холодный.

— Неужели правда?

— Положительно, какъ ледъ!

— Значить я сегодня свободно могу пѣть?
Превосходно! Какое счастье. Значить
поемъ?

— Поемъ! Поемъ! — закричалъ антрепре-
неръ отъ восторга и, несмотря на свой

ГАСТРОЛЕРЪ.

почтенный возрастъ, запрыгалъ, какъ ребенокъ!

Пѣть было рѣшено.

Вечеромъ состоялся спектакль.

Успѣхъ былъ колоссальный. Сѣверову хлопали, подносили подарки, вѣнки, цвѣты, поздравляли, качали на рукахъ, пили за его здоровье, говорили тосты и пр., — словомъ, оваціямъ не было конца.

На другой день во всѣхъ газетахъ появились рецензіи, относящіяся и не относящіяся къ дѣлу, но всѣ курили ему оиміамъ.

Любопытны нѣкоторыя изъ рецензій.

Одна газета писала:

„Первый выходъ знаменитаго тенора Сѣверова въ „Гугенотахъ“ сопровождался громаднымъ успѣхомъ и далъ театру переполненный сборъ, несмотря на высокія цѣны. Пока мы ограничимся указаніями, что такого звучнаго и красиваго тенора намъ не приходилось слышать на нашей Б. сценѣ. Идеалъ большинства теноровъ — высокое „do“ — удается гастролеру очень легко и красиво!“

Другая газета писала:

„Не родись пригожимъ, не родись счастливымъ, а родись теноромъ. Вотъ счастливыцы! Спать и видять во снѣ, какъ на нихъ сыплется золото! Изъ всѣхъ голосовъ, намъ

кажется, люди больше всего любятъ теноръ. Сладкій, пѣвучій, мелодичный, какъ у г. Сѣверова, онъ ласкаетъ слухъ и до дрожи щекочетъ подъ сердцемъ, а дамъ приводитъ въ восторженное умиленіе, проявляющееся въ нѣжныхъ явленіяхъ по адресу его обладателя. Теноровъ можно вполнѣ сравнить съ соловьями. Они, какъ соловьи, воспитываютъ только любовь, никакими вопросами, кромѣ любви, не задаваясь..." и т. д.

"Если бы у меня былъ такой сладкозвучный теноръ, какъ у г. Сѣверова, — писалъ одинъ рецензентъ, — я бы со школьной скамьи прямо закатилъ на сцену и былъ бы увѣренъ въ своемъ успѣхѣ."

(Писалъ, очевидно, гимназистъ, — въ провинціи такихъ рецензентовъ много)...

Антрепренеръ Федя Зубровскій, читая эти рецензіи, потиралъ руки отъ удовольствія, а теноръ Сѣверовъ задралъ носъ еще выше.

ОРИГИНАЛЬНОЕ ТУРНЭ.

Басъ Парамохинъ, прозванный артистами и публикой „дубовымъ пѣвцомъ“, затѣялъ въ одно прекрасное время концертное турнэ.

Для этой цѣли имъ приглашены были въ качествѣ исполнителей ученики, которымъ онъ назначилъ жалованье по 50 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ „на хозяйскихъ харчахъ“.

Вдобавокъ къ этому выдали всѣмъ за свой счетъ по фрачной парѣ съ „лакейскаго плеча“ и по цилиндру, какіе носятъ факельщики изъ бюро похоронныхъ процессій.

Были напечатаны, какъ и полагается, афиши для расклейки и программы для публики.

Тѣ и другія гласили слѣдующее:

Концертное турнэ трехъ басовъ и одной флейты.

Basso profundo—г. Парамохинъ.

Basso cantante—г. Гонецкій.

Basso baritono—г. Чесноковскій.

Primo флейтистъ и аккомпаниаторъ—г. Розанковскій.

Д. Ю Ж И Н Ъ.

Дирекція Парамохина.

ПРОГРАММА.

а) Арія Бертрама изъ оп. „Робертъ Дьяволъ“: „Дѣвы, внимайте мнѣ“. Муз. Мейера.

б) Арія Гремина изъ оп. „Евгеній Онѣгинъ“. Муз. Чайковскаго.

Исп. г. Парамохинъ.

Русская пѣсня „Новгородъ Великій“.

Исп. г. Гонецкій.

Варіаціи на русскія пѣсни:

а) „Не брани меня, родная“

в) „Чижика“ исп. г. Розанковскій.

„Она хохотала“, баллада Лишина.

Исп. Чесноковскій

Квартетъ а сарелла для трехъ басовъ и одной флейты Стручкина.

Исп. Парамохинъ, Гонецкій,

Чесноковскій и Розанковскій.

Квартетъ этотъ, кстати сказать, былъ спеціально заказанъ Парамохинымъ композитору Стручкину.

Устроили. Поѣхали.

Первый концертъ состоялся въ г. Бѣжецкѣ, на родинѣ баса Чесноковскаго.

Концертъ, за неимѣніемъ болѣе подходящаго помѣщенія, былъ данъ въ залѣ Городской управы.

ОРИГИНАЛЬНОЕ ТУРНЭ.

Сборъ былъ хорошій, народу было много, успѣхъ большой.

Курьезовъ особенныхъ не было никакихъ, кромѣ развѣ того, что отъ игры флейтиста расчувствовался одинъ пьяный купецъ, сидѣвшій въ зрительномъ залѣ.

Купецъ, послѣ исполненія номера на флейтѣ, привскочилъ съ сидѣнья, какъ ужаленный и, хлопнувъ шапкой объ полъ, заоралъ:

— Ну, братъ, и разубажилъ же ты меня, въ ротъ тебѣ дышло! То есть попалъ въ самую центру! Спасибо, братъ, спасибо. Гляди, братъ, плачу! Э—эхъ!... Сиживаль, бывало, я съ покойной супругой Акулиной, царство ей небесное! А она, бывало, сердешная, склонить ко мнѣ на плечо свою головушку и залется залетнымъ соловьемъ:

— Не брани меня, родная,

Во саду ли, въ огородѣ

Дѣвица гуляла!...

Уважь ты, братецъ мой, просьбу первой гильдіи купца Зимушкина! Просвисти на своей дудкѣ „Во саду ли, въ огородѣ“. Ничего не пожалѣю, хошь коньяку, хошь шампанскаго, чего хошь проси!.. Озо-ло-чу! Валяй!

Купца вывели.

На другой день поѣхали въ г. Р.—, предполагалось дать два концерта.

Дѣло прежде всего пришлось имѣть съ исправникомъ.

Исправникъ, прочитавъ нашу программу, началъ „сумлеваться“.

— Я вотъ пятый десятокъ живу на своемъ вѣку,—сказалъ онъ Парамохину, а такого оригинальнаго концерта не слыхивалъ, три баса и одна флейта! Чортъ знаетъ, что такое! Не разрѣшаю! грозно закричалъ онъ на Парамохина.

Парамохинъ сталъ умолять исправника разрѣшить концертъ и сказалъ, что такой же точно концертъ имъ данъ былъ въ Бѣжецкѣ.

— Мнѣ Бѣжецкъ не указъ—заоралъ исправникъ.—Здѣсь не Бѣжецкъ, а Р!. Впрочемъ вотъ что: спойте вы мнѣ сейчасъ что-нибудь изъ вашей программы. Если мнѣ ваше пѣніе понравится, я, пожалуй, разрѣшу. Но пойте хорошенько, потому что я самъ занимался когда-то пѣніемъ и сумѣю оцѣнить васъ.

Парамохинъ, противъ своего желанія, долженъ былъ спѣть, чтобы не провалить „дѣло“.

Пѣть пришлось безъ аккомпанимента.

Пѣль изъ „Роберта Дьявола“.

Парамохинъ своимъ громоподобнымъ голосомъ оралъ такъ, что къ дому сбѣжалось масса народу послушать, что такое и по какому случаю происходитъ.

Два карманныхъ вора, пользуясь суматохой, сломали рѣшетку, за которой сидѣли и удрали изъ заключенія.

Исправникъ пѣніемъ остался доволенъ.

На другой день по городу были расклеены афиши, билеты брались нарасхватъ, но... у концертантовъ не было аккомпаниатора.

Парамохинъ цѣлый день рыскалъ по городу въ погонѣ за аккомпаниаторомъ, но, — увѣ! — поиски его не увѣнчались успѣхомъ.

Усталый Парамохинъ зашелъ въ нѣмецкую парикмахерскую побриться.

Къ его громадному удовольствію, изъ разговоровъ съ парикмахеромъ оказалось, что послѣдній былъ когда-то таперомъ, игралъ долгое время въ кафешантанахъ, влюбился въ русскую танцовщицу, родомъ изъ города Р., женился на ней, бросилъ свою „актерскую“ карьеру и поселился навсегда на родинѣ жены въ г. Р.

— Я принимался за всякія торговыя операціи, — рассказывалъ Парамохину Фигаро-Грачъ. — Но всѣ операціи приносили мнѣ толь-

ко несчастья. Я рѣшилъ въконцѣ-концевъ обучиться парикмахерскому ремеслу. Черезъ годъ открылъ свою парикмахерскую, и дѣла пошли блестяще.

Теперь могу сказать вамъ словами Фигаро:

Фигаро si! (здѣсь).

Фигаро la!.. (тамъ).

Парамохинъ немедленно сдѣлалъ ему предложеніе аккомпанировать флейтисту въ концертъ и предложилъ за это 5 руб. за вечеръ.

Фигаро былъ въ восторгѣ, потому что такого гонорара онъ не получалъ въ городѣ даже на самой богатой купеческой свадьбѣ, и, конечно, охотно согласился.

— Завтра въ 6 часовъ явитесь на репетицію, сказалъ ему Парамохинъ.

Фигаро аккуратно явился на репетицію, но толку изъ этого вышло очень мало.

Въ восемь часовъ вечера начали концертъ.

Первый вышелъ Парамохинъ, взглядъ его почему-то сразу упалъ на исправника, сидѣвшаго въ правомъ ряду креселъ.

Парамохинъ до того растерялся, что началъ арію совершенно въ другомъ тонѣ.

Аккомпаниаторъ какъ ни старался под-

дѣлаться къ нему, переходя изъ тона въ тонъ, ничего изъ этого не выходило.

Арія: „Дѣвы, внимайте мнѣ“—была съ трескомъ провалена.

Но въ послѣдствіи, какъ это ни странно, Розанковскій до того прилачился къ Парамохину, что сталъ аккомпанировать ему, что называется, изъ „другой оперы“, и Парамохинъ пѣлъ вѣрно.

Такъ, напр., Парамохинъ поетъ изъ „Роберта Дьявола“, а Розанковскій аккомпанируетъ ему изъ „Евг. Онѣгина“, и наоборотъ.

Публика не возражала.

Наконецъ, настала очередь выступленія на эстраду Фигаро.

При его появленіи на сцену, въ публикѣ поднялся гомерическій хохоть и аплодисменты.

Фигаро съ присущей парикмахерамъ манерой раскланялся, сѣлъ на свое мѣсто и началъ аккомпанировать Розанковскому.

Въ началѣ шло недурно.

Но вотъ Розанковскій начинаетъ играть „Не брани меня, родная“, и загибаетъ такіе сногшибательные пассажи, что Фигаро сразу растерялся.

— Что вы тамъ, г. флейтистъ, играете? — заоралъ Фигаро на весь залъ.

Вы мнѣ мѣшаете аккомпанировать, я не могу за вами поспѣвать!

Розанковскій, желая отстранить Фигаро отъ аккомпаниаторства, случайно захватилъ его за волосы и,—о, ужасъ! съ Фигаро, къ великому удовольствію публики, былъ стащенъ съ головы парикъ и повисъ въ рукахъ Розанковского.

Аплодисментамъ не было конца...

Инцидентъ этотъ должны были загладить квартетомъ.

— Конецъ всему дѣлу вѣнецъ,—важно заявилъ Парамохинъ.

Квартетъ а capella.

Сначала начинаетъ флейта, потомъ *basso-cantante*, далѣе *basso-baritono* и, наконецъ вступаетъ *basso-profundo* Парамохинъ.

До вступленія Парамохина дѣло шло недурно, но когда вступилъ „съ медвѣжьимъ слухомъ“ Парамохинъ, и закатилъ, что называется, „кирпича на три выше“, то сразу сбиль всѣхъ съ тона.

И пошли всѣ валять „кто въ лѣсъ, кто по дрова“.

Квартетъ трехъ басовъ съ флейтой уже самъ по себѣ былъ нелѣпый съ музыкальной точки зрѣнія, а тутъ еще получилась двойная ерунда.

Послѣ концерта въ уборную зашелъ исправникъ.

— Отъ своего лица и отъ лица всей публики благодарю васъ, господа, за доставленное удовольствіе. Давно мы такъ всѣ не хохотали. Съ насъ одного концерта вполне довольно! Если же вы хотите уморить насъ совсѣмъ со смѣху, то знайте, что я вамъ этого не позволю,—строгимъ тономъ замѣтилъ исправникъ. — Не позволю! Бросьте ваши концерты и займитесь другимъ дѣломъ! Вотъ вамъ мой отеческій совѣтъ! И исправникъ, звякнувъ шпорами, величественно удалился...

На другой день мы выѣхали въ Ярославль.

Вся Ярославская публика, смотря на расклеенныя афиши, только смѣялась.

Парамохинъ какъ-то вмѣшался въ толпу и, увидя смѣющуюся надъ афишами публику, вступилъ въ разговоръ.

— Что вы и надъ чѣмъ, господа, смѣетесь?

— Какъ же не смѣяться надъ такимъ несуразнымъ концертомъ. Такихъ и не бываетъ и не было.

Чувствуя, что никакого сбора не будетъ, Парамохинъ разослалъ бесплатные билеты, но они были обратно присланы въ кассу.

Концертъ прошелъ при маломъ количествѣ публики, но съ большимъ скандаломъ.

На другой день отправились въ В.-Волочекъ.

Въ В.-Волочкѣ Парамохину пришлось сойтись съ захудалой драматической труппой.

Сборъ былъ такой, что на долю Парамохина, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, пришлось 1 р. 95 коп.

Парамохинъ почему-то обозлился на своихъ артистовъ, перевелъ ихъ на частную квартиру, и, оставивъ, ихъ что называется, на „бобахъ“, самъ уѣхалъ въ Москву.

„Артисты“ предались отдыху.

Флейтистъ все время наигрывалъ на флейтѣ и доигрался до того, что въ него вдругъ влюбилась хозяйская дочь мѣщаночка.

Она никогда не слыхала такихъ звуковъ, какъ говорила потомъ она.

— Какая-то палочка волшебная!.. И что это за диковина! Плюнетъ въ палочку, а она тебѣ такъ и заливается, такъ и заливается на разные голоса!..

Финалъ получился такой.

Хозяинъ выгналъ всѣхъ „артистовъ“ изъ своей квартиры чуть не по шеѣ, а влюбленную дочь заперъ на замокъ въ чуланъ.

ОРИГИНАЛЬНОЕ ТУРНЭ.

Артисты, за неимѣніемъ денегъ, отправились на вокзалъ и тамъ на слѣдующій день дожидались своего импрессарію.

Онъ выдалъ имъ деньги на билеты 3-го класса до Петербурга и заявилъ, что больше свои концерты продолжать не намѣренъ.

Такъ плачевно закончился концертъ „трехъ басовъ и одной флейты“.

MAESTRO КАСТРАЦЦО.

(Какъ профессоръ пѣнія).

Съ Maestro Кастраццо читатель мой уже знакомъ достаточно изъ разсказа „Maestro Кастраццо“...

Поэтому распространяться о немъ не буду и скажу о немъ, какъ объ учителѣ пѣнія нѣсколько словъ.

Прогуливаясь какъ-то по Москвѣ, я встрѣтился съ Maestro.

— А! Дорогой Кастраццо!

Какіе вѣтры занесли тебя сюда, привѣтствовалъ я его. Насколько мнѣ помнится, послѣ камеры мирового судьи, ты навсегда хотѣлъ уѣхать въ Берлинъ и умереть тамъ?

Maestro Кастраццо недовѣрчиво покосился въ мою сторону.

— И скажи ты мне пожалуйста и другъ ты мне?

— Ну, конечно!

— Тогда не говори ты мене объ Берлинъ.

Берлинъ токово паршиваго городъ... Таково паршиваго! Я себѣ ждалъ уфѣ немъ смерти, а она себѣ мене ничего дѣлать не хочетъ. Какъ то себѣ разъ во снѣ пришла ко мнѣ, усѣлась себѣ около меня на постели и говорить:

Кастраццо! Что ты изъ подѣ себя хочешь, чтобы я взяла тебя? На что ты мнѣ сдался? Живи себѣ, тебя ждетъ слава, поѣзжай уфѣ Москву! Тамъ будь себѣ профессоромъ пѣнія, наживешь себѣ гелды, за искусство поставятъ тебѣ памятникъ противъ новаго театра, гдѣ ты такъ себѣ паршиво пѣлъ Риголетто! Но... помни, добавила смерть, русскимъ языкомъ: ты долженъ помнить одно: чтобы добиться славы, ставь голоса на *уменьшенныхъ септимахъ* и на *увеличенныхъ децимахъ*. А тамъ, а тамъ, когда нужно будетъ, я приду за тобой...

И она, мефистофелевски улыбаясь, исчезла.

На другой же день я себѣ отправился уфѣ Москву.

Сдѣлалъ объявленіе въ газетахъ: „Maestro Кастраццо возвратился изъ заграницы и по совершенно новой методѣ даетъ уроки пѣнія. Секретъ можетъ открыть только лично“.

И что бы вы себѣ думали?

МАЭСТРО КАСТРАЦЦО.

Учениковъ хоть отбавляй! Пришлось отказывать. Въ двѣнадцать часовъ у меня начинаются уроки. Не хочешь ли пойти ко мнѣ посмотрѣть?

Меня сильно заинтересовала метода постановки голоса Кастратцо и я согласился пойти.

Я увидалъ такую картину.

Maestro Кастратцо важно возсѣдалъ за роялемъ, тыкая однимъ пальцемъ въ клавиши, при чемъ часто задѣвалъ клавиши, не относящіяся къ „дѣлу“ и воображалъ себѣ, что онъ аккомпанируетъ.

Первымъ номеромъ вышла при мнѣ барышня.

— Начинайте! Но помните, что надо держать „липки“ и чтобы передніе зубы были видны и жвукъ зачипляйте прямо на маску. Слушайте мене: „ма, ма, ма, му“! И прошу атакивайте жвукъ и такъ, какъ я атакиваю!

— Ма, ма, му...—тянетъ ученица.

— Назовите теперъ мене нотами, но прошу больше атакивайте!

— Do! mi! sol! si!

— А теперъ возьмите себѣ, на слова: *via di Roma*! На „Roma“ прошу дѣлать фермато и филировкаемъ жвука.

— *Via di Roma*! —тянетъ ученица.

— А теперь прошу взять *Via di Napoli* на дециму.

— *Via di Napoli!*—поетъ ученица, но на верхней нотѣ срывается.

— Барышня! А Барышня! Я вже просилъ вамъ не чиплять мене горла, а просилъ зачиплять жвукъ на маску. Слушайте мене, какъ я чипляю: ма, ме, ма!...

— *Via di Roma!*—конфузливо тянетъ ученица.

— А вотъ это хорошо, де септима хорошо. А теперь увеличенную дециму!

— *Via di Napoli!*—поетъ ученица и... с рывается. *Maestro* волнуется.

— Я же просилъ мене дѣлать большое фермато и филировке жвука и не чиплять мене проклятое горло, а зачепить хорошенько маске, а ви мене што и дѣлаете? Къ слѣдующему уроке прошу приготовить дециму.

Ученица кланяется и уходитъ.

Maestro обращается ко мнѣ.

— Не правда ли, мой другъ? Моя постановка еще никѣмъ не примѣнялась и оригинальна. Да, это только смерть могла додуматься до уменьшенныхъ септимъ и увеличенныхъ децимъ. Мене теперь гнететъ одна мысль: когда я умру, великая тайна моей методы уйдетъ

МАЭСТРО КАСТРАЦЦО.

со мной въ могилу. Ты мой другъ и предъ смертью эту тайну я открою только тебѣ одному. Такъ и знай! Надѣюсь, что ты завѣтъ мой исполнишь честно и благородно?

— Да!—сказалъ я.—Твоя постановка голоса, *maestro* Кастраццо, оригинальна, даже болѣе чѣмъ оригинальна, но чтобы продолжать это дѣло, для такой высокой чести я считаю себя не достойнымъ и не подготовленнымъ, а поэтому прошу тебя на меня не рассчитывать и передать твой „смертельный“ секретъ преподаванія кому-нибудь получше и поглупѣе меня!

Maestro покосился на меня и сдѣлалъ изъ своей фигуры вопросительный знакъ.

Встрѣча Нового Года.

(Восточный шаржъ).

Ахмахъ Зулейманъ, краса Востока, покровитель искусства, богатый, ведущій торговлю мануфактурными товарами со всѣми странами Востока, разослалъ своимъ подчиненнымъ пригласительные билеты чрезъ своего приближеннаго слугу Ялчи *) - Хаббаръ-Индъ-Улеймана.

Ялчи-Хаббаръ-Индъ-Улейманъ заходилъ въ хижину каждаго изъ подчиненныхъ Ахмаха Зулеймана и говорилъ имъ:

— Нашъ могущественный Ахмахъ Зулейманъ волею Великаго и Всемогущаго Аллаха снизошелъ до насъ смертныхъ и изволилъ просить васъ чрезъ меня недостойнаго раба своего предстать предъ его свѣтлыя очи и встрѣтить съ нимъ наступающій новый 1313 годъ.

Такъ какъ Ахмахъ Зулейманъ, какъ сказано было выше, былъ покровитель искус-

*) Ялчи — работникъ.

ства, то для встрѣчи новаго года имъ приглашены были художники, артисты, декораторы, поэты, балетмейстеры и люди другихъ свободныхъ профессій.

Приглашеніе приняли большинство, немногіе отказались.

Первые заплатились за это въ послѣдствіи вычетомъ изъ жалованья, а послѣдніе нарушеніемъ контрактовъ.

Для встрѣчи былъ приглашенъ оркестръ военной музыки.

„Самъ Ахмахъ Зулейманъ“, сидѣлъ за отдѣльнымъ столомъ на возвышеніи, кругомъ него сидѣла „свита“. Каждого приходящаго встрѣчали тушемъ.

Каждый подходилъ и здоровался съ Зулейманомъ, прикладывая по восточному правую руку ко лбу и сердцу, при чемъ послѣдній подавалъ одному гостю одинъ палецъ, другому два, а нѣкоторымъ даже цѣлую ладонь, смотря по заслугамъ.

Приближенныхъ же своихъ и любимцевъ хлопалъ любезно по животу и приговаривалъ:

— Ну, молодцы ребята! Садитесь!

Рады стараться ваша свѣтлость! Вы нашъ отецъ, а мы ваши дѣти!

— Старайтесь, старайтесь ребята! А я о

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

вась денно и ношно пекусь, что бы вамъ за моей спиной жилось хорошо и привольно.

Но на всѣ привѣтствія за всѣхъ отвѣчалъ Ялчи Хаббаръ. — Воистину клянусь господа Всемогушимъ Аллахомъ, клянусь луной и звѣздами, быстро несущимися и меркнувшими при солнечномъ блескѣ, клянусь мракомъ ночи и разсвѣтомъ дня, клянусь именемъ Того, въ чьихъ рукахъ находится душа нашего благодѣтеля, клянусь утробой его матери, которая произвела на свѣтъ такое „чудо чудное, диво дивное — самого Ахмаха Зулеймана!

Аллахъ, да сохранить его младые дни, на долгіе, долгіе годы, на радость преданныхъ ему людей!..

Да здравствуетъ нашъ Великій и Всемогушій Зулейманъ!

Преклонимъ же передъ нимъ наши колѣна и будемъ въ честь его слагать гимны, съ большимъ пафосомъ закончилъ свою пламенную рѣчь Ялчи-Хаббаръ 'Инд'Улейманъ.

Всѣ присутствующіе дружнымъ хоромъ прокричали:

— Да здравствуетъ на долгіе годы нашъ великій и могущественный Зулейманъ!

Раздался тушъ.

Всѣ разомъ словно по командѣ повскакали и бросились къ своему „благодѣтелю“ поздравлять его:

— Съ новымъ годомъ!

— Съ новымъ счастьемъ!

Первый тостъ, конечно, былъ превозглашенъ за „самого“.

Второй, третій, четвертый, пятый и т. д. были провозглашены за „прихвостней“, или, такъ называемыхъ, „приближенныхъ“ великаго мецената.

Подобострастіе и лакейство дошло до того, что даже былъ провозглашенъ „прихвостнями“ тостъ за кучера его свѣтлости Гассана, который всегда возить его и до сего времени ни разу не вывалилъ его свѣтлость животомъ на мостовую, чѣмъ, конечно, сохранилъ здоровье на радость преданныхъ ему людей.

Когда больше не за кого было пить, то только тогда гости вспомнили, что они самихъ себя еще не поздравили съ Новымъ Годомъ.

И нерѣшительно, втихомолку стали поздравлять другъ друга, боясь, чтобы не замѣтилъ самъ Зулейманъ.

Старшій „Ялчи“, какъ его называли приближенные, выработалъ даже особую про-

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

грамму для увеселенія и потѣхи своего благодѣтеля.

Въ послѣдствіи эта программа въ устахъ восточныхъ юмористовъ превратилась въ слѣдующую вещь и была пущена въ публику на зло Ахмаха Зулеймана и его приближенныхъ.

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА:

1. *Еврейскій танецъ „Маюфесь“.*

Исполнить Шабдурраманъ.

Примѣчаніе: Зулейманъ былъ въ восторгѣ отъ танца, но... контракта не подписалъ.

2. *„Танецъ живота“.*

Исполнять Өатима и Ялчи-Хаббаръ
Инд'Улейманъ.

Примѣчаніе: Отъ восторга Зулейманъ подписалъ съ Хаббаръ Инд'Улейманомъ контрактъ еще на три года и сдѣлалъ его старшимъ „Ялчи“.

3. Арія изъ оперы „Князь Игорь“.

„О дайте, дайте мнѣ контрактъ...

И я вамъ буду пѣть все въ тактъ“.

Исполнить Будурухманъ.

4. Русскія пѣсни:

а) Хороша я хороша,

Хорошо одѣта,

Никто въ труппу не беретъ

Дѣвицу за это.

в) Зулейманъ свѣтъ милый мой

Не разстанусь вѣкъ съ тобой,

Темпераментъ знаешь мой?

Подпиши контрактъ со мной!

Исполнить Туруханская.

4. Каватину изъ оп. „Фаустъ“.

„Пливѣтъ тебѣ пліють невинный!

Пливѣтъ тебѣ пліють священный!

(Поетъ лежа)

Здѣсь все твелдитъ душѣ моей!

(Даетъ громаднаго пѣтуха).

Исполнить Кокисини.

6. Массажъ живота послѣ сбѣда „благо-
дѣтелю“.

Исполнить Ялчи Юссуфъ.

7. Ой ра! Ой ра! Протанцуютъ въ четыре
пары.

1-я пара Ахмахъ Зулейманъ и Ялчи Му-
стафа.

2-я пара Ялчи-Хаббаръ Инд'Улейманъ и
Ялчи Кудурухманъ.

3-я пара Ялчи Сулерахманъ и Ялчи Тах-
та-Марохманъ.

4-я пара Ялчи Юсуфъ и Кокисини.

Выслушавъ программу, Ахмахъ Зулейманъ
для омовенія отправился въ баню.

Въ баню онъ взялъ съ собою всю свою
„свиту“.

Въ банѣ Зулейманъ обыкновенно продѣ-

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

ывалъ такія вещи, что стыдно становилось не только за него, но даже за баню.

Онъ бралъ всегда съ собою для потѣхи молодого Ялчи Юссуфа, который неотлучно состоялъ при немъ.

— Полѣзай въ бассейнъ купаться! — говорилъ Зулейманъ Юссуфу.

— Помилуй, Эфенди Зулейманъ, я завтра пою „Севильскаго цирюльника“!

— Лѣзь! — говорятъ тебѣ! Моя правая нога того хочетъ! Слышишь, не серди меня! Разъ я сказалъ лѣзь, значитъ лѣзь! Что мнѣ твой „Севильскій цирюльникъ“! Простудись, другой за тебя споетъ.

Что у меня теноровъ, что-ли, нѣтъ? Хоть прудъ пруди! Захочу завтра Карузо пѣть будетъ! У меня, братъ, денегъ хватить!

— Ей-Богу, не могу, Эфенди Зулейманъ: боюсь простудиться.

— Ахъ, боишься! Тогда вотъ тебѣ! И Зулейманъ беретъ тенора за ноги и погружаетъ его трижды въ бассейнъ.

Юссуфъ, продрогшій и озябшій, вылѣзаетъ изъ бассейна къ большой радости и потѣхѣ „опричниковъ“ Ахмаха.

Зулейманъ любовно хлопаетъ тенора по мягкимъ мѣстамъ и даетъ ему десять рублей.

Д. Ю Ж И Н Ъ.

— Вотъ тебѣ пока за безпокойство, а тамъ я тебя не оставлю. Да ты, братъ, самъ знаешь, какія у насъ съ тобой отношенія?... Сдѣлаемся! Придешь сегодня вечеромъ, кстати все равно и ночуешь у меня!

Въ заключеніе, послѣ всего, торжественное шествіе Ахмаха Зулеймана въ уборную, куда простымъ смертнымъ входъ строго воспрещается.

Роли были распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Впереди всѣхъ несетъ духи и ключи отъ уборной

Ялчи-Махметка.

2. Мыло, зубной порошокъ и зубную щетку

Ялчи Мустафа.

3. Полотенце, гребенку на золотомъ подносѣ

Ялчи Будурухманъ.

4. Губную помаду и прованское масло для волосъ

Ялчи Тахта-Марохманъ.

5. Персидскія капли отъ нервнаго разстройства несетъ

Ялчи Сулерахманъ.

6. Машинку и щипцы для завивки волосъ несетъ

Ялчи Нахабефи.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

7. Папиръ и брюходержатель на серебряномъ подносѣ несетъ

Ялчи-Хаббаръ-Индъ-Улейманъ.

8. Позади всѣхъ идетъ самъ Ахмахъ Зулейманъ.

Между прочими номерами, исполнявшимися при встрѣчѣ Новаго Года, Ялчи-Хаббаръ-Индъ-Улейманомъ была интересно исполнена сценка у телефона.

Слова той и другой стороны досужіе корреспонденты-юмористы ухитрились записать дословно.

Вотъ она:

— Здравствуйте, божественная Зулейка! Вы, краса и гордость всего Востока, волею Всемогущаго Аллаха и великаго нашего Ахмаха Зулеймана, избраны на завтра быть царицей бала.

Заѣзжайте ко мнѣ, поѣдемъ вмѣстѣ.

Кстати, по дорогѣ, вы, можетъ-быть, поинтересуетесь посмотрѣть мою спальню?

Тамъ вы найдете всѣ ваши лучшія роли, которыя вы должны будете изображать при дворѣ Ахмаха Зулеймана.

Зулейка.

— Что вы сказали, негодяй? Да, знаете ли вы, что я сегодня же извѣщу всѣ редак-

цій газетъ о вашихъ возмутительныхъ поступкахъ!

Хаббаръ Инд'Улейманъ.

— Не горячитесь, божественная! Редакціи у насъ сидятъ вотъ гдѣ, — и онъ приложить къ телефону зажатый кулакъ. — У насъ деньги, а у васъ развѣ только краса-молодость. Поищите, милая, другую службу, а у насъ всѣ мѣста заняты.

Будьте здоровы!

Зулейка.

— Негодяй! Мерзавецъ!

(Разъединили телефонъ).

Ахмахъ Зулейманъ былъ въ восторгѣ и, покатываясь со смѣху, кричалъ „браво!“

— Ну, Хаббаръ Инд'Улейманъ, наши вкусы съ тобой не сходятся. Ты любишь „Гусятъ“, а я люблю „Козлятъ“. Давай по этому поводу споемъ дуэтъ изъ „Краснаго Солнышка“.

Ахмахъ Зулейманъ.

— Какъ я люблю козлятъ.

Хаббаръ Инд'Улейманъ.

— Ахъ, я люблю гусятъ.

ВСТРѢЧА НОВАГО ГОДА.

Ахмахъ Зулейманъ.

— Какъ они заголосятъ:

Бе-э!.. Бе-э!.. Бе-э!...

Хаббаръ Инд'Улейманъ.

— Ахъ, какъ они заголосятъ:

Гу-у! Гу-у-Гу-у.

и т. д.

Оба хохочутъ.

Вторая сценка:

Ахмахъ Зулейманъ.

Послушай, Юванъ Джафара. Мнѣ нуженъ молодой „Ялчи“, который превосходилъ бы красотой всѣхъ, до сихъ поръ мною видѣнныхъ „Ялчей“, и кромѣ того, чтобы онъ былъ сложенъ, какъ Аполлонъ.

Юванъ Джафара. (*Философъ при
Ахмахъ Зулейманъ*).

Приложивъ руку ко лбу и къ груди, отвѣтилъ:

— О, господинъ мой, такой „Ялчи“ есть и ждетъ только твоего позволенія предстать передъ твоими свѣтлыми очами.

Ахмахъ Зулейманъ.

— Приведи, я жду.

Джафара ушелъ и вернулся, спустя нѣкоторое время, въ сопровожденіи молодого

красавца „Ялчи“, одѣтаго въ роскошный персидскій костюмъ, шитый изъ бухарскаго шелка.

Ахмахъ Зулейманъ посмотрѣлъ на молодого „Ялчи“ и остался очень доволенъ.

Ахмахъ Зулейманъ.

— Подойди и скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ и чѣмъ ты занимаешься.

Я л ч и.

— Я большой спортсменъ, и иногда пляшу отъ удовольствія на лѣвой ногѣ, а зовутъ меня Саидъ.

Ахмахъ Зулейманъ.

— Я доволенъ тобою Джафара. Ступай къ казначею и получи сколько слѣдуетъ.

Юванъ Джафара.

— Да хранить тебя Аллахъ.

Такъ кончилась встрѣча Нового Года.

Этотъ шаржъ я записалъ со словъ моего дяди Уздемира, который прожилъ въ Константинополѣ нѣсколько лѣтъ, а ему рассказывали его турецкіе торговцы, съ которыми онъ велъ коммерческія дѣла и которые знали лично Ахмаха Зулеймана.

